

Зинзивер № 5 (143) 2024

**2024
Санкт-Петербург**

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА, СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора
Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:
Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала
<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка главного редактора</i>	5
---	---

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Евгений КАМИНСКИЙ. Вдоль переулка. Стихотворения	6
Михаил КУЗЬМИН. Глупее, мудрее и веселее. Стихотворения	14

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Константин КОМАРОВ. Поверь, я не прошу о многом. Стихотворения	32
Сергей ПАНЦИРЕВ. Где-то звенит колокольчик. Стихотворения	39
Евгений СТЕПАНОВ. Обитатели земли. Стихотворения	42

ПРОЗА

Ольга ЛЮБИМОВА. Деревня. Фрагменты повести	45
Сандра МЯСНИКОВА. Рихард с Берега слоновой кости. Рассказ	48

ЭССЕ

Илья СТЕФАНОВ. Два эссе	61
-------------------------------	----

ИШТУДИИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. «Чудо поэтической прозы» И. С. Тургенев и Алоизиус Бертран (145-лет циклу «Senilia. Стихотворения в прозе»)	64
---	----

АФОРИЗМЫ

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ. Тайны черного квадрата	74
--	----

ПАРОДИИ НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ И ДР. ПОЭТОВ

Евгений МИНИН. Пять пародий	77
-----------------------------------	----

РЕЦЕНЗИИ

Книга воспоминаний о Тамаре Жирмунской «Поэт не может умереть...» (Павел ЩЕРБАКОВ)	
Сергей Каратов, «Лирический орнамент» (Вера КИУЛИНА)	80

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги и читатели!

Спасибо всем, кто верит в наш журнал.

Спасибо всем, кто присылает свои произведения.

Спасибо всем, кто покупает и выписывает наш журнал.

Мы работаем для вас.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

Поэт, прозаик. Родился в 1957 году в Ленинграде. Автор одиннадцати поэтических книг и около двухсот публикаций, в том числе в журналах: «Дружба народов», «Звезда», «Урал», «Волга», «Юность», «Нева», «Аврора», «Октябрь», «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик», «Плавучий мост», «Северная Аврора», «Петербург», «Южное сияние», «LiteraruS» (Хельсинки), «Литературная учеба» и др., в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Истоки», «Подвиг», «URBI», «Невский Альманах», «Васильевский остров», «Царское село», «Век XXI» и др., а также в различных коллективных сборниках. Участник многих поэтических антологий, в частности, «Строфы XX века» (М., 1999). Лауреат нескольких литературных премий: журнала «Нева» за лучшую поэтическую публикацию 2021 года, Фестиваля гражданской поэзии в Ярославле 2021 г., Четвертого международного литературного тургеневского фестиваля «Бежин луг» — 2021 (победитель в номинации поэзия). Живет в Санкт-Петербурге.

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ВДОЛЬ ПЕРЕУЛКА

* * *

Когда опустеют глазницы,
ребро обнажится и пясть,
уже не смогу соблазниться,
в восторг упоительный впасть.

Одно мне останется — сниться.
Лишь дырка от бублика ты,
когда утончилась десница
и в прах обратились персты.

Но что-то останется, впрочем,
тогда от меня остальным
вполне в состоянии рабочем
и с отблеском даже стальным.

Вполне еще годное в дело
и даже потребное в миг,
когда доведен до предела
и рвешь на себе воротник.

Что пястью моей и перстами
бывало тут извлечено
с восторгом и в рифму местами
из черной дыры *ничего*.

* * *

Выбран был узкий
путь в небеса,
сдуру, по-русски,
за полчаса.

Бредил мой разум,
спали друзья.
(Можно лишь разом
то, что нельзя!)

Узкой тропой
в небо бреду.
Так с переполою
или в бреду,

ухая гулко,
видя с трудом,
вдоль переулка
ищут свой дом.

Пряча усмешку,
спросят друзья:
как тебе, пешка,
в роли ферзя?

Думаешь, с адом
этим в груди
ты где-то рядом
с тем, впереди?!

Скажешь, не важно,
Сим или Хам
примет там брашно,
важно, что — там?!

Мол, не конкретны
частности те
после, посмертно,
на высоте.

Где б уж одеться
в гжель да финифть,
но просят сердце
вдруг предъявить.

Сколько в нем света,
сколько в нем тьмы...
После лишь это
важно, увы.

* * *

Когда, оторвав от земли и от жизни навеки,
отсюда меня зашвырнет серафим в *никуда*,
не будут мне там ни в туманах молочные реки,
ни небо в алмазах. Но даже не в этом беда.

А в том, что из черной дыры всех иных измерений,
где пепел и угли навеки погасших светил,
хоть целую вечность лети ты до горних селений,
и не долетишь, сколько б свет их тебе не светил.

И значит, не стоило верить, надеясь и мучась?
Но горний тот свет мне и там будет все-таки дан,
пусть жить под конец, оказалось, не счастье, а участь.
И вечность потом еще та, как чеченский зиндан.

* * *

Постепенно закончится слово,
и на белое хлынут слова
бесполезнее дела гнилого
и длинней, чем дурная молва.

Значит, надо успеть устраниться,
с болью в сердце себе запретив
безобразить пустые страницы
каждый день на бездарный мотив.

Всем случайным словам человеческим,
в чей сургуч не впечатан Творец,
в мире незачем жить да и нечем.
(Надо правду сказать наконец.)

Пусть пока за тобой — первый номер.
Но коль больше не жжет твой сургуч,
ты для слова заветного умер,
хоть и был, как собака, живуч.

* * *

У Слова манера такая:
уж если полезло вперед,
сперва вас за хлястик хватает,
а после за горло берет.

О тех не заботясь особо,
кто, вняв ему, все потерял...
Душа человечья для Слова —
расходный всегда матерьял.

Безжалостно Слово к поэту.
Для Слова поэт — что дрова:
чем ярче пылает к рассвету,
тем тверже выходят слова.

Опасна такая работа:
огню отдаваясь, терпеть,
чтоб фальши сошла позолота
и золотом сделалась медь.

Но бесчеловечное это
готов тут хоть тысячу лет,
пока его песня не спета,
терпеть, изнывая, поэт.

* * *

Внутри разъятый, как Корея,
жизнь принимал в штыки, как еж,
знал: не сразишь толпу хореом,
пока ей нагло не солжешь,

что чужд толпе и ямб, и дактиль,
пока не кланяется ей...
И оставался в первом акте
эпохи с правдою своей.

А все уж в третьем были где-то,
где ставят на чело печать.
И он, никчемный, видя это,
пытался век перекричать.

Но те, кому лапша и пицца
важней, чем божья благодать,
его просили удалиться
и не мешать им пропадать...

Ведь акт последний пьесы этой
давно не в силах был уже
переписать ни лгун отпетый,
ни он, нелепый, как Кижё.

* * *

Мне предлагали стать подложным
письмом в эпоху перемен,
быть для толпы важней, возможно,
чем даже грозный суверен.

Или пророком стать продажным:
толпе про жизнь такое врать,
что та, услышав хоть однажды,
идет без страха умирать.

Но я молчал, живя в надежде,
что массы, темные, как ночь,
взалкают смыслов и — как прежде
им станет жить уже невмочь.

Умрет в них бычье и овечье,
мысль прояснит их мутный взор:
что жить в трудах, по-человечьи —
есть божий дар, а не позор.

Я чуда ждал, не понимая,
какого черта медлит люд,
и отчего толпа — немая,
когда ей в уши пули льют?

Совсем как в реку руку грека,
где непременно цапнет рак...
Ну, разве вера в человека
иному разуму не враг?!

* * *

А все ж хорошо, что мы были
на свете. Ведь не было б нас —
тарелки с овсянкой остыли,
в подсобке б засох ананас.

В полях, как монголо-татары,
пленив пришедшие Русь,
не сданные в пункт стеклотары
бутылки б валялись, боюсь.

Не знали бы в ручке чернила
ни бэ и ни мэ, а тетрадь —
того, что с тобой учинила
любовь, излагая, приврать.

И рыба, упавшая духом,
тут вместо того, чтоб уснуть
на нитке со вспоротым брюхом,
со дна поднимала бы муть.

Вруны, хвастуны и проныры,
ужель не вернуть той поры,
когда и от бубликов дыры,
нам были, пожалуй, дары?

Я рвал бы от счастья гармошку,
когда б мог и вправду принять,
что смерть — это так, понарошку,
и после мы будем опять.

* * *

На кладбище тянет и тянет.
Подвыпив бывало, зайдешь —
и сердце от радости тает,
и в жилах от ужаса дрожь.

Пойдешь меж крестами, бывало,
сквозь мерзость паучьих тенет,
и тут вдруг мертвец из овала
как другу тебе подмигнет.

И бросишься прочь, на дорожку,
как стеклышко разом тверез.
Да он пригласил понарошку!
А ты испугался всерьез.

Не бойся! Ни шатко ни валко,
живи своей жизнью простой.
Не скоро сюда в катафалке
тебя привезут на постой.

Со смертью оставят не скоро
один на один под землей,
совсем как карманного вора
с гуманным народным судьей.

Не срок еще, как говорится,
тебе раздавать, как халву,
себя червякам и мокрицам,
уже приглашенным к столу.

* * *

Когда отречения печать
на сердце ложится изъязном,
я ангела жду — помолчать
со мной неутешным и пьяным.

Наверно, я глуп, если пьян,
в глазах мудреца иудея.
Но я из семьи самарян,
где жалость живет как идея.

Из тех, кто и стал бы ханжой,
да как от любви отвертеться?!
Как спрятать от боли чужой
и ужаса личное сердце?!

О чем мы тогда помолчим?
О том, что возможно лишь с дуру
носить в себе Божий почин —
любить человечью натуру,

ту, что на планете людей
добычу почувствует еще,
голодного зверя лютей
и блудного сына пропащей...

А может, сугубо о том,
что лишь разлюби сего зверя,
и сам, с перекошенным ртом,
взревешь, ни во что уж не веря.

* * *

Марал орал, как сумасшедший,
во мне весь вторник, видит Бог!
Но я за этот день прошедший
не намарал и пары строк

ни о томленье крайнем плоти,
ни о любви, что зла и впрямь,
всего себя отдав работе
над прозой, грозен и упрям.

Весь день толкал свое орало —
над смыслом заживо сгорал,
плоть усмирив, чтоб не орала.
Совсем, как *облико морал*.

Исаака мудрого Ньютона
я сам себе напоминал,
что важных три открыл закона,
лишь потому что дам не знал.

В себе марала сжав потуже,
я знал: лишь волю дай ему —
и дамы смыслом станут тут же,
а проза станет ни к чему.

Поэт, журналист, художественный критик. Автор книг «Дом, отапливаемый утопиями», «Дневные листья — ночные корни», «О. поэтах. и. о. поэзии», «Летопись молчания», «Я жалею на свое воображение» (Mi lamento della mia immaginazione — билингва), «Расстояние между галактиками» (Galaksien välisestä etäisyydestä — билингва), «Музей разогнанных облаков». Живет в Санкт-Петербурге.

ГЛУПЕЕ, МУДРЕЕ И ВЕСЕЛЕЕ

ИЗ ЦИКЛА «ПРОСТЫЕ МЕТАФОРЫ»

...Слова...
...как крысы...
...бегут...
...с тонущего...
...корабля-стихотворения...
...А многоточия...
...остаются...
...Многоточия...
...это дыры...
...в корпусе...
...стихотворения...
...Без них...
...корабль...
...не опустится...
...на дно поэзии...

* * *

Возвращение
блудного зрителя
к отцу искусств...
Нет, к матери живописи —
вот подлинный сюжет
эпического полотна!

* * *

Дали хорош
а Элюар лучше
Дали хорош
а Элюар лучше...

И это не какой-то
мудреный силлогизм —
а всего лишь
детская считалка.
Правда, когда-то
она была взрослой,
но очень давно.

ТЕАТР КАК СКАЗКА

пока старик
ловит неводом
рыбу
старуха учит
монолог
золотой рыбки
для детского
школьного утренника

ЕЩЕ ОДИН ПОДСТРОЧНИК

A i B sideli na trube
na trube
iz latinskih bukvi
vokrug
sam po sebe
shumel kamys
a derevia
kotoryie mozhno bylo
soschitat' po bukvam
horosho gnulis'
dazhe ochen'
horosho

ВСЕОБЩАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ

Что это такое:
240 560 387?
Инвентарный номер
осеннего листа
принесенного мною домой
из Царскосельского парка...
Что я с ним
собираюсь делать?
Как что?
Циферками любоваться!

ЗАДАЧА — НЕЗАДАЧА

Он вдребезги
разбил
первую половину стакана,
который был
то ли наполовину
полон,
то ли наполовину пуст!

Его наказали?
Да,
оставили на второй год
в школе жизни.

ИЗ ЦИКЛА «НЕГАМЛЕТОВСКИЕ ВОПРОСЫ»

При каких обстоятельствах
из Ромео может
получиться сатирик,
а из Джульетты — цензор?

Зачем король Лир
стал делить
свое царство,
ведь он не был силен
в высшей
математике любви?

Мавр сделал
свое дело,
Мавр может уходить.
Но разве из трагедии «Отелло»
так просто уйдешь?

* * *

Этот день
непохож
на все остальные дни
нет в нем
бодрости духа
нет в нем
и вкуса к переменам
зато есть
критический взгляд
на картину
белой ночи
но дожить до нее
этому дню
так и не удалось.

ГЕОГРАФИЯ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

В огороде бузина —
в Люксембурге дядька
В огороде морковка —
в Испании тетка
В огороде смородина —
в Нидерландах старший брат
В огороде лук репчатый —
в Дании бабушка
В огороде капуста —
во Франции кузина
В огороде огурцы —
в Италии теща

В огороде картошка —
а на грядке я сам
занимаюсь прополкой
сорняков-космополитов

ИЗ ФЕЙКОВОЙ АВТОБИОГРАФИИ

Если бы я не родился
27 февраля 1949 года,
то всю мою жизнь
пришлось бы кому-то
выдумать
от начала и до конца.

Но я,
будучи зачатым
в день рождения А. С. Пушкина,
все-таки соблаговолил
родиться 27 февраля 1949 года —
через 200 лет
после рождения
Иоганна Вольфганга Гёте.

Это не значит,
что я живу своей жизнью
вот уже 75 лет,
но и чужой жизнью
я тоже не живу,
я просто существую,
пребываю,
обретаюсь
в пространстве мыслей
(есть такой
чудесным образом
запутанный
лабиринт).

И горжусь этим,
хотя гордиться,
в сущности,
вроде бы и нечем.

* * *

Эй, красавица Осень!
На безлиственные деревья
равв-няййсь!

АРХАИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ В ТЕАТРЕ ДВУХ АКТЕРОВ

Муж (пафосно): Да, да, да!

Жена (уверенно): Нет, нет, нет!

Муж (с воодушевлением): Абсолютное Да!

Жена (ангельским голоском): Неконвертируемое Нет!

Занавес падает.

*Точнее говоря,
он и не подымался.*

* * *

Вот уже целую неделю
не отражаюсь
в зеркале.

И это меня
стало беспокоить.

Но сегодня утром,
слава Богу,
я услышал
голос сына:
— Папа, я тебя вижу,
хватит прятаться,
выходи
из-за зеркала!

НАДО БЫ ДЕНЕЖЕК ПОДКОПИТЬ

Где вы сейчас,
мои утраченные иллюзии?
Кто вас коллекционирует,
старательно раскладывая
по годам и жанрам?
И собираетесь
ли вы выставляться
на ближайшем аукционе?

Я бы попытал
счастья
и купил
вас всех —
одним лотом.

ЗАСТУПНИК НАШЕЛСЯ!

Кто
он такой,
чтобы не ощущать себя
частью человечества?

Да Бог он.
Бог!
И хватит
на Него сердиться.

* * *

Искре Шварц

Я не живу.
Я прячусь от жизни
в книги.
Глупо
прятаться в книги,
которые уже прочитаны.
Жизнь там тебя
все равно
обнаружит.
Я прячусь
в книги,
которые никогда
не прочту.
Там меня
никто
не потревожит.
Даже я сам.

МЕТАФИЗИКА ВРЕМЕНИ

Ровно час
мы разговаривали
о том,
как быстро бежит время.
И неожиданно выяснилось,
что 60 минут
это все-таки больше,
чем один час.
Ровно на час
и больше.

ГЛУПЕЕ, МУДРЕЕ И ВЕСЕЛЕЕ

С годами
практически одновременно
я становлюсь
и глупее,
и мудрее.
И от этого
мне становится
действительно веселее.

ИЗ ЗАПИСОК ПРИРОДОВОДА

Это как
отпечатки пальцев:
у каждого пруда
рябь на поверхности —
своя.
Неповторимая.

ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ

!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
!!!!!!!!!!!!!!?!!!!!!!!!!!!!!
!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

ИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

перевод
приказал долго жить
спустя какое-то время
умер оригинал
хорошо
хоть копия
сохранилась

НЕ ДЛЯ ВАС, МЕТЕОРОЛОГИ!

А вдруг
момент превращения
снега в дождь —
это священный акт?
И браки,
которые заключаются
на небесах,
стремятся совпасть
именно с этим мгновением,
а не с «морозом и солнцем —
днем чудесным?!

ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Серьезный поэт,
но мечтает о том,
чтобы его стихи
были когда-нибудь
прочитаны наизусть
школьниками
начальных классов...

ТЕБЯ, ТОБОЮ, О ТЕБЕ

я о тебе
не вспоминаю.
просто склоняю тебя
как местоимение
второго лица
единственного числа.
и это помогает мне
не забыть
тебя
окончательно.

ЛИЧНЫЙ ВЫБОР

Время делать Бога —
название романа.
Автора, увы, не помню.

Автора поэтической строки
«Время делать Бога»
я помню.
А вот автора романа
с тем же самым названием
я запомнить
не удосужился.

РАЗДЕЛЕННЫЕ АТЛАНТИКОЙ

Ох, уж эти
неожиданные созвучия
и совпадения!

Аргентинская художница
Борхес Нора,
сестра Хорхе Луиса,
и российский поэт
Виктор Соснора.

Что у них общего
кроме нескольких
одинаковых букв?

НЕСЧАСТНЫЙ ХРОМОЙ

Он хромает
уже пять лет подряд.
Но никто не замечает
его хромоты.
Наконец он не выдерживает
и устраивает скандал
из-за того,
что никто его не жалеет.
Какое-то время
друзья и родные
сочувствуют ему,
постоянно припадающему
на левую ногу.
Но потом все повторяется:
и все продолжают считать его
абсолютно здоровым человеком
и даже открыто завидуют ему.

О ПЛАНАХ ВСЕВЫШНЕГО

Он все еще
горит желанием
уговорить Вселенную
написать автобиографию
не только на живых языках
но и на мертвых

КУРОРТНАЯ ЭСЕМЕСКА

Море
еще вчера
было чужое,
а сегодня —
оно мое!

ВИТОК СПИРАЛИ

Когда юный Дон Жуан
вопреки здравому смыслу
добился успеха у первых семи женщин,
то еще трудно было сказать,
что с ним произойдет в будущем.
И даже покорив сердца
сорока девяти женщин,
он еще продолжал пребывать
в абсолютном неведении.
И лишь расставшись
с триста сорок третьей женщиной,
Дон Жуан смутно почувствовал,
что с ним происходит
что-то непоправимое.
Но он отогнал эти мысли.
И когда на заре
новой эпохи
мудрый Дон Жуан
покинул спальню
две тысячи четыреста первой женщины,
он уже не сомневался в том,
что вновь стал мальчиком.

ИЗ ПРЕАМБУЛЫ К ПЬЕСЕ

Абсурда на всех
не хватит.
Но очередей за ним
все равно не будет.

КОНТЕКСТ ДЛЯ ПАЛИНДРОМА

Закат бьет тревогу
Это и есть
АТАКА ЗАКАТА
Другой не бывает

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Никак не могу понять,
почему я не прыгаю в высоту
и не бегаю на длинные дистанции?
Кто бы смог толком мне объяснить,
почему я ни разу в жизни
не штурмовал вершину Джомолунгма?
У кого есть твердое мнение
относительно того,
почему я не мечтаю опуститься
на самое дно океана?
Я пришел в ужас,
когда узнал,
что не имею ни малейшего желания
слетать на планету Венера.
И если завтра на Земле
появится пришелец из космоса,
то я не буду стремиться
устанавливать с ним контакт разумов.
В конце концов кто-нибудь мне скажет,
что за странной болезнью я болею?
И почему к пауку,
который живет в моей комнате,
я так привязался,
что разрешил ему
оборудовать у меня в носу
фотолабораторию?

* * *

Истина в «В»
Пол-истины в «в»

* * *

Только такие поступки
создают
равновесие:
принял
важное решение
и заважничал.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ ИЗЧЕЗНОВЕНИЕ

Если ваппидонг решился
на этот отчаянный шаг,
он должен соблюсти некоторые формальности.
Перечислить все спицы
в огромном Колесе Разочарований
и сообщить о полученной сумме
в Комитет Заслуженных Чисел.
Протоптать тропинку
через Поле Безопасности
и расставить опознавательные знаки
для Экс-диктатора Разлуки.
Осуществить пересадку трех сердец
в роботоподобную модель Огненного Процветания.
И разложить свой автопортрет
на 15 эмоциональных гребешков.
Если все условия соблюдены,
ваппидонг может начать процесс
спектрального самоубийства,
который обычно длится
от десяти лет до ста,
в зависимости от того,
как быстро личность ваппидонга
растворится в Озере
Великой Ваппидонгской Мудрости.

* * *

Вы режиссер
своего счастья?
Нет,
я простой влюбленный!

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА СМИРА

Вот так и живу
в своем дежавю

ВСЕ СЧАСТЛИВЫ

Гора родила
философский камень,
а мышь защитила
диссертацию
по геологии.

ПРИЗНАНИЕ

Я сам задаю
себе вопросы
и сам
на них отвечаю.
Я – интервьюер
от Бога...
От какого Бога?
От Бога эгоизма!

ИЗ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ

Милый друг,
ты начинаешь читать
какой-нибудь великий роман
и резко бросаешь его
на десятой странице...
Если не бросаешь
и дочитываешь до конца,
то ты ничего не платишь.
Ни рубля,
ни франка,
ни гульдена,
ни кроны,
ни песо,
ни драхмы...
Если же ты бросил
читать роман,
осилив лишь 25-30 страниц,
то за эти листочки
ты выкладываешь кругленькую сумму...
Можно ли таким простым способом
приохотить тебя к чтению великих романов?

* * *

А вот вам
и языковая норма:
четко произносить
четные числа
и нечетко – нечетные.

ПЕРСПЕКТИВА

Если Тереза
переедет жить
в Португалию
или в Бразилию,
то она начнет
рифмоваться
со словом NATUREZA.

А это,
сами понимаете,
очень престижно.
Почти как «век»
и «человек»!

P. S. Natureza (Природа)

НЕ СУДЬБА

— Пророк он хороший,
но почему-то
ничего не предсказывает.
— Чем же он тогда занят?
— Пишет фантастические романы!
— Хорошие?
— Очень плохие.

РЕПЛИКА ИЗ ЖЕНСКОГО СПОРА

Это я-то
один-ока?
Чушь собачья!
У меня два ока!

* * *

И страшен
во гневе
не self-made man
страшен во гневе
self-made God!

ЛЮБОВЬ НЕ СЛЕПА

Вот он
первый взгляд
красивой женщины,
направленный на меня.

Я не спешу.
Я подожду.
Пусть она
полюбит меня
со второго взгляда.

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Цель —
это ведь тоже
разновидность горизонта
только вытянутая
не в длину
а сплюснутая
в точку

* * *

Порою я обращаюсь
за помощью
к своему уму.
Так прямо и говорю себе:
— Пора тебе, дружочек,
пораскинуть мозгами.

Он, в смысле я,
притворяется,
что не слышит.

ЗАПИСОВКА С НАТУРЫ

Собака лает
а караван
утраченных иллюзий
в котором нет
ни одного верблюда
и ни одной
горбатой мысли
спокойно загорает
на безлюдном
нудистском пляже

Поэт, литературный критик, литературовед. Родился в 1988 г. в Свердловске, окончил Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина. Кандидат филологических наук. Как поэт и литературный критик публиковался в литературных журналах «Дружба народов», «Знамя», «Урал», «Звезда», «Дети Ра», «Нева», «Октябрь», «Новый мир», «Вопросы литературы» и др. Постоянный участник Форума молодых писателей «Липки» (2010–2023). Автор нескольких книг стихов («Почерк голоса», «Только слово», «Невеселая личность», «Соглядатай словаря», «Фамилия содержания», «Безветрие», «От времени вдогонку») и сборников литературно-критических статей «Быть при тексте», «Магия реализма». Член Союза российских писателей, Союза писателей Москвы, Русского ПЕН-центра. Победитель «Филатов-феста» (2020). Лауреат премии «Восхождение» (2021). Финалист литературных премий «Дебют» (2013, 2014), «Лицей» (2018, 2021), «Новый звук», «Белла», Премии им. Бажова и др. Лауреат премий журналов «Нева», «Урал», «Вопросы литературы».

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

ПОВЕРЬ, Я НЕ ПРОШУ О МНОГОМ

* * *

Булгаковым пахнет луна..
Не знаю, не нюхал на деле,
но я этой фразой из сна
болею, наверно, с неделю.
Откуда явилась она
и влезла в сознания подкорку?

Булгаковым пахнет луна,
а солнце, наверное, Лоркой...

* * *

Уже самой себе не верит
отяжелевшая душа,
но Достоевский достоверен
был, дьявола в себе душа.

В какой грязи ни изваляйся,
в какой ни отдыхай тени —
во рту торчит, как изваянье,
одно глухое «извини».

И озирая мутным взглядом
притихший, невесомый зал,
ты чувствуешь, как друга рядом,
залипший в горле звукозалп.

Но выход есть, хоть аварииен,
и ты подхватываешь нить
тех, что тебя заговорили,
и продолжают говорить.

И говоришь ты с микрофоном,
но тусклый твой блуждает взгляд
там, где — подобные грифонам —
графины с водкою стоят.

* * *

Бог забит молотками молитв,
бога нет, бог не чувствует боли,
у меня же — бумага болит
и звенит, словно русское поле.

Говорили: ты сходишь с ума,
говорили: ты бес лицедейства,
но молчала, молчала зима,
позволяя в себе отсидеться,

позволяя одними губами
заменять непрстой карандаш.
Улыбался СашБашу Губанов,
жал Губанову руку СашБаш.

Приходили и братья и сестры,
словно бились об лед осетры.
Имена их беспомощно стерты —
до поры, до поры, до поры.

И на восемь — лиричные — строчек
паровозом я боль перевез
посреди обезвоженных кочек
да в изножьях кровавых берез.

Ни прибавить уже, ни убавить,
не разбавить ничем антураж,
ибо здесь — непонятен Губанов,
ибо здесь — невозможен СашБаш.

И лисицами пожраны зайцы,
и без шага шагает нога,
только небо с любовью эрзацной
все глядит свысока на снега.

Кто же тут резюме нарисует,
если умер, как сказано, бог,
если стих мой изюмом безумья
запечен в этот сладкий пирог.

Мне себя самого полужалко,
а иных я не смею жалеть:
мне девицей в цветном полушалке
лихо косы раскинула смерть.

Так дадим плачу-хохоту ходу,
ни петле не дадим, ни ножу.
Эй вы там, мне еще неохота.
Я пока еще здесь посижу.

* * *

Кровь ленивее и лиловей,
водянистее сахарный ритм.
Ты не пой, солевой соловей,
мне концлагерным канцеляритом.

Кто твой голос бесстыдно срубил
элементами скаредной прозы?
Кто теперь собирает Сибирь,
где всю бирюзовы березы?

Белый крик твой подвешен на крюк,
только рот разомкнешь — и разомкнешь.
Вот и все, добрый друг, милый друг —
отрастишь себе хвост и не охнешь.

Только ахнешь, всплеснув рукавом,
поразбрызгавши капельки водки...
Я хотел бы вернуться в тот дом,
только там нынче — серые волки.

Синий снег не снижает жары,
по которой когда-то мыплыли
в райский рой золотой мошкары
или в царствие огненной пыли.

Хоть в малиновый цвет перекрась
тот сюжет — этот жест будет разов,
ибо слов моих разная вязь
покошмарнее улицы Вязов.

Если хочешь — забей в дубльгис —
«просто дом», «просто сад», «просто речка».

Не ищи меня. Но берегись,
если я не смогу уберечься.

* * *

По кисее морей кисельных
кораблик проплывет во сне,
я вырубаю свой кассетник
и исчезаю в тишине.

Брега молочные закисло,
кому нужны теперь, скажи,
мои полуночные мысли —
сознания хилого бомжи.

А ты... С тебя немного спроса.
Ты на своей теперь войне.
И одиночество, как просо,
пересыпается во мне.

Поверь, я не прошу о многом,
пусть шею стянет бечева,
немного походить под богом
да под землей заночевать.

Там, видно, лучше, под землею,
там нет непрошенных гостей,
и пусть другой придет за мною
в твою измятую постель.

И, вспоминая Архилоха,
под жизнью подводя черту,
тебя б стихом проклясть неплохо.
Да стерт язык об немоту.

* * *

Чугунный, словно ядра,
вкатился в окна свет.
Антисонетчик ярый
садится за сонет

И сквозь, и вскользь навязан,
как жертва — жерновам,
пугает новоязом
жирнеющий овал

продавленного утра,
предъявленного дня,
с упорством финно-угра
себя сжигая для

безрадостных оваций
и овощных вещей,
и мирных левитаций
(ну Левитан ваще).

А в голове флиртуют
Чайковский и Магритт,
базар свой не фильтруют
ни Вена, ни Мадрид.

Он чувствует, что стоит
участвовать на ГОСТ —
напорист, непристоек
и, как сонет — непрост.

* * *

Кроша отчаянья печенье,
я превратил себя в одно,
как довоенное двоенье,
платоновское полотно.

Но вечность опрокинув в местность
и почестей расплавив плот,
остался хладным неизвестным
я в типологии теплот.

Красавиц редкостных касаясь,
я — мутной мудростью томим —
про зависть говорил под запись,
передавал других другим.

Я распевался мелодично,
проколот проклятой тоской,
и запивался методично,
оправдывая гороскоп.

И похоть прихотей заметных,
похмельных медленных эпох
я и заверил, и заветрил,
и в скальных ласках не подох.

Мне навыки навек понятны
и я, с груш посбивав гроши,
не собираюсь на попятный,
вливаясь, вваливаясь в ширь...

* * *

Вроде вышел победителем,
наградным блистаешь венчиком,
а итог неубедителен:
не срослось второго Венички.

И колени не колоннами —
мокрым бокром будут выглядеть.
Чаю бы сейчас зеленого
да кота — икоту выгладить!

* * *

Заснуть. Засунуть тело в сон,
чтоб очертанья расплывались,
чтоб сном был образ унесен
той, с кем навеки расплевались.

Устроить мозгу карантин,
отправить душу на прополку,
символику дневных картин
услать в ночную самоволку.

Не понимать. Не поминать
минуты, коих больше нету.
Сквозь одиночную кровать
усвоить полноту планеты.

И сном свое бинтуя я,
врываясь в ночь, как астероид,
событие небытия
не постороннего — построить!

Поэт. Родился в 1969 году в Москве. Его дебютом стал сборник «Рефлексия», опубликованный в 1994 году, за ним последовали журнальные публикации. Сборник более зрелых стихотворений «Настоящее время» был издан в Санкт-Петербурге в 2004 году в издательстве «Геликон». В качестве переводчика Сергей участвовал в антологии болгарской поэзии «Из века в век», вышедшей в 2005 году. Также его стихи и переводы вошли в издание «Иосиф Бродский глазами современников» (2006) и антологию памяти Бродского «Из забывших меня» (2015). Опубликовано ряд переводов Сергея из английских, американских, болгарских и венгерских поэтов на русский язык. В 2014 году Сергей Панцирев переехал в Венгрию, где продолжил литературную деятельность, публиковался в венгерских литературных журналах. В 2021 году в Будапеште издан его сборник стихов в переводах на венгерский. В 2022 году Сергей участвовал в фестивале Всемирного дня поэзии ЮНЕСКО в Варшаве в составе венгерской делегации, в 2023 представлял Венгрию на фестивале Babilon literar в Румынии. Лауреат международного поэтического конкурса «Эмигрантский вектор» (Бельгия — Франция, 2024 г.). Состоит в венгерском отделении ПЕН-клуба.

ГДЕ-ТО ЗВЕНИТ КОЛОКОЛЬЧИК

ОСТАНЕТСЯ ПРАЗДНИКОМ

помню: мы сидели на кухне
самой первой в мире хрущёвки,
где-то между шверника и гримау,
венерой и марсом:
четыре квадратных метра,
а сколько народу набилось! —
пили спирт с водой из-под крана,
ловили короткие волны, читали стихи
(а за окном дымился советский союз
и московская осень,
того же привычного сизого цвета,
что и спирт, разведенный водой)
помню: была там девчонка,
на которую я загляделся,
и другая, что строила глазки мне,
и эти взгляды
— голубой — карий — зеленый —
блестели тем вечером ярче всех звезд,
и жизнь была праздником,
и жизнь остается праздником,
и жизнь останется праздником.

ОБХОДНОЙ ЛИСТ

Копию своей души
у Главного подпиши,
зарегистрируй в архиве,
в Первом отделе поставь печать,
дай расписку, что будешь молчать,
да смотри не напейся на корпоративе.
Что будет дальше — уже не твоя беда:
ты здесь на время, а она, говорят, навсегда,
то есть пока не закончится виза.
Сколько ангелов на острие иглы,
столько и чертей, чтоб разжечь котлы,
записать в протокол, провести экспертизу,
сфотографировать, зафиксировать, в облаке сохранить
и не забыть забыть.

АНЕРОИД

Приближается буря, звучит характерный треск.
На экране помехи, и ты — источник помех.
Переводчик глотает слова и явно нетрезв.
Подзабытые жизни вдруг проступают поверх.
Нет, не только бумага способна попасть в переплет.
Красота не спасет — а впрочем, ничто не спасет.
Над землей поднимается ветер, и скоро польет.
Приближается буря, осталось чуть-чуть, вот и все.

ULTIMO NUMERO DEL SESTIER DE CASTELLO

памяти Антона Носика

Пользуясь случаем, передаю привет
тем, кто раньше отправился на тот свет:
прищурившись на звезду, молчу,
и молчание по ее лучу
поднимается выше, чем любая речь
могла бы добаться — ведь пренебречь
словами уместно, когда в ответ
даже молчания нет.
Пахнет рыбой. Фасады на площади, с двумя-тремя
освещенными окнами, вполне анонимны. И я,
свернув в переулок, почти готов

повторить путь местных бездомных котов,
ушедших отсюда — понятно, куда —
но пока есть вода и над ней звезда,
это повод прошлое ворошить
и туда не спешить.
Тем временем город совсем превращается в ночь.
Торговец вином закрывает лавку — точь-в-точь
как в фильме, который, не вспомнить в каком году,
смотрели в кино на последнем ряду.
Известно, чем кончился этот сеанс:
мы вышли из зала, никто там не встретил нас —
сквозь темноту так и идем,
каждый своим путем.
Что ж, каменный лев мне дорогу не подсказал.
Как гетто, заперты на ночь аэропорт и вокзал.
Не слышно шагов, ни плеска весла: карнавал
начнется еще не скоро. Будто и не бывал,
весь мир растворился в безмолвии. Я стою
в пустоте, в ее центре, то ли на самом краю,
и не считаю в полночной тиши
оставшихся дней гроши.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СТИХИ

Перепись населения. В Вифлееме темно: зима.
Оппозиция пишет, что Ирод сошел с ума.
Где-то звенит колокольчик. Ангел или пастух,
Заслышав его, останавливается, переводит дух,
Поднимает голову, сверяя час по звезде.
Колокольчик звенит, как будто везде и нигде.
Как первый звонок в театре, как школьный последний звонок,
Он возвещает о том, что приблизился некий срок.
То ли сигнал тревоги, то ли благая весть,
Колокольчик звенит, словно он вправду есть,
Ближе и ближе. Ирод в своем дворце
Ставит печать на указ, изменившись в лице.
Местное радио, вещающее на весь мир,
Ради срочной новости прерывает эфир.
Меняется климат, меняется календарь,
За каждым словом приходится лезть в словарь,
Вор теряет добычу, патруль забывает маршрут,
Летописцы застыли и продолжения ждут.
Мой пастух или ангел, устремляя свой взгляд в зенит,
Прежде всех остальных понимает, откуда звенит.

Поэт, прозаик, публицист, издатель, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

ОБИТАТЕЛИ ЗЕМЛИ

ТУТ И ТАМ

Если человек родился, значит, человек умрет.
А хотелось бы, чтоб было хоть чуть-чуть наоборот.

А хотелось бы, чтоб люди, обитатели Земли,
Воротиться после смерти (став гуманнее) могли.

Почему-то воротиться не торопится никто.
Значит, что-то здесь пугает, значит, что-то здесь не то.

Значит, там намного лучше, безопаснее, чем тут.
Значит, там не так тревожно кошки на душе скребут.

2021, 2024

60 ЛЕТ

В 60 лет даешь оценку только одному человеку —
самому себе.

И понимаешь:
подлость — это подлость;
трусость — это трусость;
малодушие — это малодушие;
хитрость — это хитрость...

И еще много чего понимаешь.
Но все чаще молчишь.

Молчишь.

2024

ТЫКВЫ И КАБАЧКИ

Осень. Зловещие запахи смерти.
Дачник срезает последние тыквы
и кабачки.

2024

НЕБО

Смотрю на высокое небо.
Может быть, летит самолет?
Может быть, беспилотник?

2024

SUR-2024

Слушаю бравурные телевизионные новости.
...Дачные подмосковные окна
дребезжат от взрывов.

2024

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Освобождение от рифмы.
Какое счастье!

2024

МЕЧТА

Мечта: как раньше — во дворе —
в советском детстве —
играть с ребятами в футбол.

2024

МИНИАТЮРА

Я мог бы написать десять тысяч больших рассказов о том,
какие мы, люди, — идиоты.

Но я этого не делаю.

Я пишу крошечную миниатюру о том,
как человек велик.

2024

Прозаик, эссеист. Родилась в Москве. Окончила Московский авиационный институт, работала по специальности. В 1990 г. в издательстве «Советский писатель» вышла первая книжка рассказов «Где кончается небо» под псевдонимом О. Любимова. В 1999 году переехала на постоянное место жительства в Израиль. За последние 22 года было издано восемь сборников рассказов и девять романов из жанра историко-художественной прозы под тем же псевдонимом. Является гражданкой России и Израиля, членом Московского городского отделения Союза писателей России, Союза писателей XXI века, Союза русскоязычных писателей Израиля и Интернационального Союза писателей. Постоянный автор издательства «Вест-Консалтинг».

Здесь приведены фрагменты повести «Деревня». Героиня повести, жительница Москвы, мечтает приобрести по свободным перестроечным временам домик в деревне в российской глубинке, под городом Кашин Тверской области.

ДЕРЕВНЯ

(Фрагменты повести)

СВОЙ ДОМ!

Лето кончалось. Софья Павловна по-прежнему вела новую, деловую жизнь. Поездки на автобусе и в электричке, поиски, переговоры, знакомства, — она даже какие-то новые качества, привычки, манеры приобрела, и ей это нравилось.

В Питер собралась! На один день, туда и обратно, предварительно созвонившись и запасшись рекомендательным письмом от Анны Фёдоровны на маленьком пожелтевшем листочке, исписанном корявым, крупным почерком, к тем сестрам, что жили в Ленинграде, владелицам бывшего «богатого дома» в Пустырях. Старушки, обе ветеранки, жили вполне прилично в однокомнатной квартирке недалеко от метро, и жизнью своей, по всему судя, вполне были довольны. Тут дело сладилось легко. Та сестра, что постарше, хозяйственная и энергичная, прочитала записочку Нюры, поахала, поспрашивала Софью и приветила, как давнюю знакомую, угостила вкусным борщом, положив большую ложку сметаны. Хозяйки явно рады были сбыть с рук, видимо, совершенно ненужное им строение, да еще получить хоть какую-то денежку! Даже заискивали перед Софьей. Вторая сестра, так показалось, была малость не в себе, но тоже радовалась, то и дело подбегала к Софье с клубками, смотанными из нарезанных из лоскутов цветных полосок, показывала вышивки свои, Софья удивлялась и похваливала. Взяли недорого за развалюху и про себя, должно быть, удивлялись, что кому-то еще понадобилась. В администрации в Кашине быстро оформили

куплю-продажу, и в очередной раз вылезала из автобуса у села Егорьевского с новым, невыразимо приятным ощущением домо- и землевладелицы.

Ах, Пустыри! Все ей принадлежало теперь, и осиновая рощица за домом, где пахло грибами, и заросли терна с исчерна-синими ягодами, одичавшие яблоньки и дом с развалившейся большой печью, кирпичами россыпью, под тяжестью которых обрушились доски пола... Словом, теперь-то только все, — так выходило, — и начиналось, и работы впереди был непочатый край.

БЕЛЫЙ ДОМ

Потому-то в этот второй свой приезд, вместо того, чтобы отправиться по знакомой уже тропе в Пустыри, — свернула в большое, людное село Егорьевское, и у входа в село перед дощатым, пустующим строением, бывшей конторой льнозавода, присела. Новая контора, добротная длинная изба из светлого, не потемневшего еще дерева, с лестничкой, ведущей к входным дверям, достраивалась неподалеку.

Новое лицо не могло остаться в деревне незамеченным. К Софье сразу же подсел худой мужичок в затрепанном пиджаке, сторож. Вместе с кратким изложением проблемы — пачка Беломора перекочевала из рюкзака Софьиного в его полуоторванный карман. Курево — первейший дефицит, даже पहले водки, как ей после объяснили.

— Найдешь рабочих, найдешь, — охотно заверил. — Есть тут. Все тебе сделают, достанут... Какой, говоришь, дом? А-а-а, Соловьёвых, знаю. Ты вот что, ты в белый дом сходи, там поспрашивай. Так вот прямо по дороге и иди. Тут недалеко. Только ты вот что, есть тут такой Гриб, с ним не связывайся!

— «Гриб», — странное какое прозвище, — подумала Софья. — Или фамилия?

Белым домом называли егорьевские единственное в селе каменное двухэтажное здание, обмазанное грязно-белой известкой, в котором, в коридорчиках с дощатым полом и неистребимым запахом из общего туалета, теснились комнатенки, каждая на одного человека. Это было общежитие, сюда селили бездомных, в основном, отмотавших свой срок в кашинской тюрьме зеков, которых администрация городка в командном порядке распределяла по району. За низенькой оградой чахлый садик. Софья присела на лавочку.

ЗАБАЛДЕТЬ — НЕ ГЛАВНОЕ!

В скором времени у нее уже бригада сложилась. С того самого первого дня, когда сидела у белого дома на лавочке, — к ней подсел обходительный мужичок, заговорил в вежливо-вкрадчивой манере. Мужичок оказался настоящей находкой, говорил неторопливо, убедительно.

— Бригаду я тебе подберу. Доски достанем. Печь разберем. Железо для печи найдем. Для него, похоже, не было проблем, и Софья радостно «клюнула».

С этих самых пор, когда видели ее егорьевские сидящей на лавочке у белого дома или у бывшей конторы льнозавода, — участливо-весело спрашивали:

— Что, Гриба ждешь? — потому что обходительный мужичок этот именно и был тот самый Гриб, известный на всю округу вор.

Но что было делать? Хорошие, спорые мужики заняты были всю весну, лето и почти всю осень, до дождей и холодов, — то сев, то сенокос, уборка урожая, ремонт-подновление своих

построек, да и стоили они, хозяйственные мужики, дороговато. Приходилось довольствоваться и налаживать взаимоотношения с голытьбой, пьянчугами и бывшими зеками, этим только поллитры подноси, хотя и они тоже были «рукастые», как, впрочем, все, живущие у земли. Ходили с ней обычно в Пустыри трое-четверо. Бригадиром неизменно — Сашка Гриб, еще Вовка Окунь, Толя Мартыненко.

Начали с разбора обвалившейся печи. Кирпичи выбрасывали из выбитого окна, Вовка Окунь складывал их внизу, в садике, и густо, без причины, матерился. Выволокли из дома две громадные, с проржавевшими железными прутьями и металлическими шишечками, тяжеленные кровати. «Культурного слоя» в изберосло на метр. Софья выкидывала несчетное количество рваной обуви, битую посуду, тряпки, словом, застарелое барахло, которое накопила, сносила за годы большая семья. За домом у крыльца выросла высокая куча.

Прежде, чем работу начать по утрам, походив с озабоченным видом по уцелевшим доскам пола, требовали работнички у нее утреннее для «разгону». Софья усвоила уже привычку вяло ворчать, мол, какой от вас будет толк, если напьетесь; ей возражали, тоже в привычном, солидном тоне, мол, не сомневайся, хозяйка, нам только после еще покемарить с полчаса и — все тебе сделаем, песок привезем, столбики Толя поставит, доски забьем... Поворчав еще, доставала из рюкзака. Они неторопливо, любовно вначале встряхнув бутылку и поглядев на поднимающиеся пузырьки, разливали в найденные здесь же в доме недобитые кружечки. Понаблюдав за ними, как-то задала вопрос Соня в некотором роде даже в философском духе:

— Вот вы пьете — из-за привычки? Вкусового ощущения? Или чтобы забалдеть?

И даже удивилась, как они отнеслись к вопросу со всей серьезностью и отвечали дружно: «Забалдеть — не главное!»

Прозаик. Родилась в Москве в творческой семье. В 1983 году закончила школу № 127. С 1983 по 1988 год училась в Литературном институте имени А. М. Горького, защитила на отлично дипломную работу (творческий семинар Виртанен Р. Э.) как переводчик художественной литературы с финно-угорских языков. Первый рассказ «Робот Пенчик» написала в 1991 году, в 1997 году он был опубликован в журнале «Соло» Российского ПЕН-центра, а в 1999 году была его публикация в глянцево-м журнале «Она». В 1992–1993 году находилась во Франции в связи со служебной командировкой мужа, написала серию очерков о русской эмиграции, которые вошли в первую книгу «Женщина на земле» (1997 год, издательство «Металлик») вместе с другими произведениями. В 1999 году опубликовала рассказ «Меченая» в альманахе «Мурманский берег». В конце октября 2011 года выпустила свою вторую книгу «Детки не растут на ветке» (Издательство «Русский двор»). В настоящее время работает над своей третьей книгой прозы «Широка страна моя родная».

РИХАРД С БЕРЕГА СЛОНОВОЙ КОСТИ

(Рассказ)

Лиза вышла из вагона на своей станции. Метро в Германии совсем не такое, как в центре Москвы, где она родилась и выросла. Никакого шика и архитектурных излишеств сталинских времен. Все сухо, по-деловому, по-немецки. И эскалаторы — другие. Мюнхенские, например, ходят или туда, или сюда. По желанию клиента: хочешь вверх — давай, хочешь вниз — пожалуйста. А если народа — нема (чего в Москве, кажется, вообще никогда не бывает), эскалаторы на месте стоят. Экономят драгоценную электроэнергию.

Было уже почти десять. Поздний вечер по местным стандартам. В метро — ни души. Точно все вымерли... И эскалатор стоял как вкопанный. Ждал, когда Лиза ему команду «поехать наверх» даст. Лиза встала на лестницу, но та почему-то с места не сдвинулась. Хотя электронная стрелка на алюминиевом столбе услужливо горит, показывая нужное Лизе направление, сам эскалатор ее упорно игнорирует... Точно она мираж.

Лиза поднялась по обычной лестнице, минуя несговорчивую машину. Может, у нее уже «мертвый час»? Или она на эмигрантов плюет?..

Вышла из метро. Вдоль аллеи, ведущей напрямик к ее дому, цвели белые акации. Цвели как сумасшедшие... В этом запахе таилось так много любви, истомы, сладости, такое обещание пресловутого урлауба*, на котором бургеры и бургерши были просто помешаны. Сами-то они уже спали глубоким сном. В предчувствии новой трудовой недели... Аккуратные домики с плотно опущенными жалюзи наводили на Лизу тоску. После многочасовой работы за компьютером болели глаза. В турбюро ее сегодня просто замотали... Телефон звонил, не умолкая. Шеф нервничал и придирался. Ее языкового запаса явно не хватало. Выезжала на собственной находчивости и природном обаянии. Неужели, ее все-таки уволят? Нет, не должны.

Только сейчас Лиза почувствовала, как она устала... Весь день продержалась на адреналине. Вообще-то она предпочитала выброс других гормонов, например — гормона счастья, но с тех пор, как Рихард исчез с ее горизонта и растворился вдали, она решила уйти в рабо-

* Отпуск (нем.)

ту, как в спасение... Не тут-то было! Надо ломать себя. Переделывать... Ведь может же он жить только работой. И она должна так научиться. Это Германия... Здесь у людей работа на первом месте. Возможность самореализоваться.

Пробиться. И только потом вкусить все радости жизни... А мир чувств устарел. И остался, видимо, в предыдущих миллениумах.

Господи, как ей не хватало Рихарда! Как много вопросов у нее теперь появилось к жизни и к нему. Она вела с ним нескончаемые мысленные «переговоры». У нее было два телефона — домашний и мобильный, но он не звонил ей больше ни по одному из них.

Русский немец. Эмигрант, как и она. Только разными путями они сюда добирались. Она — на место тех, которых тут истребили, изгнали, уничтожили... Он же вернулся на свою историческую родину. Русский немец. Причудливая гремучая смесь. И не русский на поверку, и не немец вовсе. Рихард. Одно имя чего стоит. Любимец женщин. Коллекционер. Нет, не только это.

«Я хотел бы влюбиться, — сказал он ей чуть ли не в первую их встречу, — но у меня не получается. В лучшем случае я позволяю женщинам (он обожал говорить о женском поле во множественном числе!) любить себя.

О, тогда она очень испугалась этих его слов. Они были символическим прологом к их будущим отношениям. Но отступать было и поздно, и невозможно. Ее лихорадило. Она попалась...

«В моей жизни все всегда происходит так, как я захочу», — констатировал он немного позднее, ломая ее последнее сопротивление.

«Чего же ты хочешь теперь?» — спросила, когда все уже свершилось.

«Я хочу получить женщину во всех ее проявлениях, ты не против?»

Он обычно очень четко формулировал свои вопросы и любил их задавать. А Лиза как раз до жути любила каверзные вопросы.

«Какая гармония...» — смеялся Рихард, подразумевая их с Лизой отношения.

Ей тоже казалось, что между ними установилась полная гармония. Он однозначно лидировал, она — отступала. Он нуждался в помощи — она помогала. Казалось, так и задумано природой.

Рихард торговал нефтью и нефтепродуктами. Имел свою фирму. Свободный предприниматель. Десять лет уже в Германии. И в голове у него, наверное, только цистерны, контракты, акции, проценты...

Он с ней многим делился, говорил, что с ней можно вести речь о чем угодно, потому что она «своя в доску».

«Открою тебе жгучую тайну — поведал он как-то. — Я считаю, что секс — это для женщины. А для мужчины существуют только профессия и работа. Мне лично секс совсем почти не нужен. Но я люблю иногда... — его голос становился особенно ласковым, — доставить удовольствие женщине. Обычно я довожу женщину просто до иступления...»

«Это как?» — не поняла Лиза.

«Увидишь...»

Нет, Лиза вовсе не была несведущей девочкой. Десятилетний опыт супружества за плечами. Горький опыт. Тяжелый развод. Уже за тридцать. А Рихард значительно ее старше. Ровно через двадцать лет после Победы родился. Родом с дальнего Севера. Не сладко ему, надо думать, жилось на их общей родине с таким характерным немецким именем. Отец и мать из сосланных. Обделенных, ущемленных...

Они, родители Рихарда, и встретились на поселении, на лесоповале. И полюбили друг друга. Всю жизнь вместе. Хельмут и Герда. А вот у Рихарда личная жизнь не сложилась.

В девятнадцать женился. Четверть века маялся с женой без любви. Уехали в Германию. Двое детей, но взаимное отчуждение. С ее стороны — требовательная любовь, ревность, с его — желание порвать, уйти, вырваться на свободу. Наконец подфартило — нашел работу в Мюнхене, укатил из их маленького городка, где все и вся у всех на виду. Понял, как прекрасно жить одному. Но не дали. Настигли: через полтора года, когда Рихард только становился на ноги, — жена и дети к нему в Мюнхен приехали. Пробовали снова жить вместе. Не получилось. Полный обвал...

«Однажды жена спросила, люблю ли я ее. К этому моменту она меня настолько утомила, что я вынужден был ей сказать правду — временами мне кажется, что я ее просто ненавижу...»

«И она ушла?»

«Только через год, — устало вздохнул Рихард. — Они меня исключили из своей жизни. Уехали. Очень плохо со мной поступили... Все меня бросают... Вначале все так красиво, а потом женщины, видимо, чувствуют, что со мной они просто теряют время, и находят кого-то другого. А меня бросают. Понимаешь?»

«Я тебя не брошу».

«Не зарекайся! Ты не выдержишь меня...»

Два с половиной месяца, как они не встречались. А она уже без него просто не может. Он сделал ее такой жадной до любви.

«Я ведь предупреждал тебя, что так и будет».

«Предупреждал. А я не побоялась».

«А ты не побоялась...»

Наверное, скоро она махнет рукой на женскую гордость и позвонит ему сама. Так, по-деловому, по-немецки, возьмет у него термИн*. А что? Роли меняются: женщины становятся священниками, зарабатывают намного больше мужчин. С недавних пор в Германии и во многих других странах Европы узаконены браки между однополыми. Мир сошел с ума...

И в этом тотальном сумасшествии запросто можно позвонить ему. Он ответит ей своим обволакивающим голосом по одному из многочисленных телефонов. Вместо «алло!» он назовет свою красивую фамилию, — так тут принято. Он не звонит, потому что страшно задействован. Цены на нефть падают. Проценты по кредиту растут. Его долг банку все время увеличивается. А ему нужно платить алименты семье, оплачивать свою большую квартиру, которую Лиза с такой любовью для него убирала. У него очень и очень трудная жизнь. И ему вовсе не до женщин. Женщина — лишняя нагрузка в напряженном графике бизнесмена...

«Хорошая девочка, — часто говорил он, лаская ее. — Все, что положено иметь идеальной партнерше, все в тебе есть. Это я — плохой...»

«Ты наговариваешь на себя! Ты — прекрасный», — выдыхала она.

«Ты просто влюбилась. Я ведь предупреждал тебя... Но зовизо** у тебя не было другого выхода...»

Иногда он был очень нежен. И всегда — интеллигентен, хоть порой говорил необъяснимо жестокие вещи. Может, мстил за своих сосланных соотечественников? А что тогда должны были делать ее соплеменники, отталкиваясь от этой теории исторической мести?

* Заранее назначенное время деловой встречи (нем.)

** Так или иначе (нем.)

Да, много всего в нем было понамешано. Но Рихард был ей нужен именно таким, каким он был. Полярным: холодным и знойным, равнодушным и заинтересованным, циничным и жаждущим истины...

Интересно, что в промежутках между нефтяными гешефтами он изучал Библию. Изучал досконально и кропотливо, со свойственным немцу стремлением к порядку и анализу. И Библия всегда лежала на тумбочке рядом с его кроватью.

«Вот я постоянно обращаюсь к Святому Писанию. Но самого Бога почему-то не чувствую...»

«Это потому, дорогой, что в тебе нет любви. Ты не можешь полюбить ни Бога, ни женщину. Любить может только человек с открытым сердцем...»

«А оно у меня, по-твоему, закрыто?»

«Ты слишком занят и повесил изнутри замков, чтобы другие не врывались».

«Да, я слишком занят...»

Его дом содрогался от телефонных трелей. Пространство вокруг него вибрировало. Он всегда был раздираем на части людьми и обстоятельствами. Жизнь сосредоточилась для Рихарда в стенах его собственного офиса-квартиры. И он почти не выходил наружу.

«Мне завидуют, говорят: о, вы работаете дома. Я не работаю дома. Я... живу на работе».

Он был гостеприимным. В его большой квартире столовалась, кажется, добрая половина немецких переселенцев, прибывших в Баварию. Они приходили и приезжали к нему, и среди них было много женщин... А он фонтанировал, пел под гитару, острил... Мужчины хотели получить от него совет, помощь, работу. Женщины — хоть немного участия, любви... В такие вечера Рихард был просто неотразим, многие женщины хотели потом с ним остаться. С ним, в его просторной квартире... Он влюблял их в себя, быстро теряя к ним всякий интерес. И снова оставался один. Готовый к новым подвигам и встречам.

«А вдруг я найду женщину еще лучше», — мечтательно сказал он как-то Лизе, — не Лизе вовсе, это были мысли вслух.

Он не умел любить. А она не любить не умела. Какая гармония.

«Лиза, — сказал он ей как-то, — я решил, что мы и впредь будем встречаться, но наши встречи не должны быть слишком долгими.

Два-три часа в неделю я еще мог бы выделить. Но не больше. Ты же знаешь, сколько времени отнимает у меня работа. Не будет работы — не будет и девочек...»

Он все решил за нее... Он знает, как ей вести себя. Знает, как надо. Не слишком много свиданий, не слишком много любви (ее любви к нему, разумеется). Встречи — для здоровья, для общего тонуса... Они оба в эмиграции. Кроме него, у нее тут никого нет. Он-то знает, что такое чужбина. Он поможет ей. Поможет адаптироваться. Сгладит проблемы. Даст почувствовать, что она тут не одна. Два-три часа — этого достаточно. Большого он не в силах дать. У него нет такой возможности, нет времени. Нет сердца...

«Знаешь, раньше, в юности я представлял себе прекрасную девушку — самую любовь, рядом с собой... Но так ее и не встретил...»

«Может быть, ты еще встретишь ее...»

«Нет, все это — фантазии. В мире нет женщины, которая бы мне подошла...»

Иногда он философствовал:

«Мне жалко всех людей. Женщин — особенно. Поэтому я никогда не могу девушке или даме что-нибудь плохое сделать. Я жду, когда она сама меня бросит. Найдет себе кого-нибудь другого, более подходящего для жизни».

Лиза вдруг поняла. Рихард потому и пропал. Ждет, что она найдет себе другого. Ждет и поэтому не звонит. Как холодно в этой Германии! И ветры здесь ледяные, с Альп. Она

совсем окоченела. Ей бы — южнее, но там война, теракты, арабы. В России — бывший муж с новой семьей. Западнее — совсем русских нынче не любят. Все новые санкции вводят. Со всех сторон обложили! Здесь холодно, но пока не смертельно. И он, главный для нее немец, позволяет ей себя любить...

Однажды она не утерпела. Сама позвонила. Радостный, хорошо поставленный голос. Голос, ориентированный на успех. На удачные продажи нефти и рапсового масла. Знакомые интонации:

«Какие люди звонят! Извини, закрутился. Уйма дел... Я подумал, ты уже нашла себе кого-нибудь. Такая женщина... Ты же знаешь, я очень трудный мужчина в плане времени. Тебе надо еще кого-то подыскать, в порядке "скорой помощи"».

Он не понимал. Когда пожар, «скорая» не помогает...

«Что нового?» — спросила робко.

«Улетаю на днях на Берег Слоновой Кости. Какой отдых! По бизнесу. Вернусь из Африки — и мы сразу же встретимся. Слышишь, сразу!»

Она не возражала.

Она слишком хорошо представляла себе его жизнь. Люди наваливались на него всей своей тяжестью. И он всем и всегда помогал, оформлял приглашения, выправлял документы, писал письма, водил по врачам и разнообразным инстанциям, хоть и признавался, что люди как таковые действуют на него раздражающе, потому что он к ним слишком подключается, теряет собственное лицо...

«Одна женщина как-то сказала, что я — самодостаточный, что мне никто не нужен. Она права?»

Боже, как любил он вспоминать в разговоре других женщин!

«Лиза, мне нравится, что ты не ревнива. Я устал от ревнивых дамочек. Пойми... Все эти женщины — просто транзит...»

Транзит... Они с Рихардом едут на поезде жизни. Странствуют... А кто-то является изда- лека и невольно врывается в их жизнь, только затем, чтобы сделать пересадку. Привал. Перекантоваться. Поехать дальше. Помнится, незадолго до отъезда она случайно наткну- лась на бывшем немецком кладбище Москвы, где были похоронены ее дедушка и бабушка, на склеп странницы Елизаветы и расценила это как своеобразное благословение родных перед дальней дорогой... Она — странствующая Елизавета. Он — неутомимый Рихард, кото- рый летит на Берег Слоновой Кости...

Как-то Рихард спросил Лизу, опасным ли был бизнес в Москве у ее бывшего мужа. И посетовал на то, что в России мафия и предприниматель намертво повязаны. Перед мыс- ленным взором Лизы сразу же промелькнуло ее недавнее прошлое: быстро набирающая обороты фирма мужа, нескончаемые вечеринки и банкеты, самые дорогие бутики и супер- маркеты, в которых она могла теперь делать покупки, бани и массажные кабинеты, рожде- ственские каникулы в Париже, отдых на экзотических островах. Откуда вдруг столько денег? Этот вопрос хоть и вертелся на языке, но все-таки никак не мог быть задан. О таких вещах в семье не спрашивают. Но она навсегда запомнила истину, которую изрек владелец фирмы и друг мужа: «Если хочешь жить лучше других, надо со всеми делиться». И они, действительно, охотно со всеми делились: щедро платили чиновникам, таможенникам, полиции, охраннику на автостоянке. И все брали и были довольны. Круговая порука. Один из принципов выживания в криминальном мире... Был ли бизнес ее экс-супруга опасен? Наверное, да, но основной принцип работал, и красивая жизнь шла своим чередом: как грибы после дождя, вырастали новые дочерние фирмы, секретарши нанимались все более длинноногие и сексапильные, круизы становились кругосветными... Муж неожиданно

купил себе пневматическое ружье с оптическим прицелом и стал не без гордости демонстрировать его Лизе. Вначале она была в ужасе от такой покупки, но ей было популярно объяснено, что нынче все уважающие себя люди имеют средства защиты и уже давно позаботились об оформлении необходимого разрешения у соответствующих органов. И платили теперь в России уже не бандитам, как в 90-е годы, а государственным структурам, которые давали не только спокойно работать, но и преумножать свой капитал...

«В Германии все по-другому. Никакого криминалитета, поэтому я и приехал сюда, — говорил Рихард (как все немцы, он был патриотом своей страны). — И если бы я экспортировал нефть не из России, не о чем было бы вообще беспокоиться...»

Как-то раз вскользь упомянул о том, что еще на Севере, когда он начал заниматься машинными маслами, его чуть не убили.

Лиза изменилась в лице.

«Но теперь... — безмятежно продолжал он, — я, к счастью, в безопасном месте. Ты только посмотри, как хорошо вокруг. Я выхожу из дома — всюду цветы, поля, леса... Просто сердце радуется...»

Рихард жил за городом. Снимал дом. Ей так нравилось, что он живет на природе, среди рапсовых полей, могучих платанов, зарослей гладиолусов... Сама дорога к нему была для нее началом их любви. Она входила в его дом, он бросался к ней. Между ними пробегало электричество, дух захватывало, сердце переставало биться...

Почти год они встречались. Больше в его уютной квартире, но иногда выезжали и куда-нибудь на природу. У него была такая огромная, дико мужественная с виду машина. На ней бы по саванне ездить... И вот теперь он уезжает по бизнесу на Берег Слоновой Кости. Все логично. Но поедет он в Африку, конечно, не на своей сногшибательной машине, он полетит туда на серебристом «Боинге». В аэропорту обменяется заговорщицким взглядом с девушкой в форме таможенницы, в самолете улыбнется белозубой стюардессе... В этом весь Рихард. А она, Лиза, должна работать и не растворяться больше в этой бесперспективной любви. Перевести свою сексуальную энергию в деловое русло... Шеф недавно объявил, что ей необходимо срочно осваивать новую профессию — гида. Пока по-русски, но в недалеком будущем и «на языке врага». Ее шеф — шутник. Любит повторять: «Мы в осаде, и немцы в городе». В случае сетования на нелегкую эмигрантскую долю подбадривает: «Отступать, товарищи, некуда, — позади Москва...», хотя сам родом из Питера. Занятный тип. Болтает на основных европейских языках. По чуть-чуть на каждом, но и это производит впечатление. Ругает все и всех. Но все-таки как-то держится на плаву. Грызется со всеми, но все с ним считаются. Его турбюро вышло на первое место в городе. Среди русскоязычных, конечно. Но и это неплохо. Отношение шефа к Лизе колеблется от любви до презрения.

«Чтобы заказывали только тебя, — говорит он ей так, как будто она в чем-то провинилась перед ним, — надевай юбку покороче и стихов поменьше, пожалуйста. Это не те люди. И поскорее води их в Хофбройхауз, не прогадаешь...»

Хофбройхауз — самая знаменитая пивнушка Мюнхена. И к вечеру немцы там пивом наливаются просто до чертиков. Презабавное зрелище. Танцуют на столах. Поют все, даже русскую «Калинку». Короче, расслабляются по полной программе. Но только по выходным. А по будням такой гульбы не увидишь: впереди раннее вставанье, напряженный трудовой день. Нет в них размаха русской души, ее бесшабашности. Одно слово — немцы...

Гидом она работает без году неделя, а сибиряки опять ее требуют. Видно, кто-то из прошлой группы посоветовал. Один мужик в тот раз все на нее пялился и в конце экскурсии выдал из себя что-то очень галантное, правда, с новорусскими грубоватыми намеками...

Надо срочно купить новые туфли. Чтобы ноги лучше смотрелись. В моде узкий носок, широкий каблук. Она вынуждена обо всем думать. Богатые люди все замечают. И ее гонорар будет напрямую зависеть от ее внешнего вида. Высший комплимент, которого она удостоилась, звучал так: «С такой гидшей я бы не только на экскурсию пошел... Я бы даже захватил ее с собой на Бали».

Нет, на Бали она совсем не хочет. Она бы поехала с Рихардом на Берег Слоновой Кости. Там Африка, там много слонов. А где слоны — и масштаб чувств другой... Скоро он вернется, и они сразу же встретятся, так он сказал. А пока надо мчаться за сибиряками в лучший отель города под названием «Мандарин». А до этого еще заскочить в магазин, подобрать подходящую обувь. Очень крутой отель, и туфли должны быть крутые. Сотней евро тут не отделаешься. «Надо вкладывать, вкладывать, и потом к тебе все вернется, с процентами» — еще один принцип, почерпнутый ей из ее прежней жизни в России. «А если окажется, что все на ветер?» — спрашивала она своего мужа. «Значит, ты просто дебил или дебилка», — лаконично отвечал он.

Каждый выход к людям для нее — как выход на сцену для актрисы. Все должно быть продумано: текст, макияж, тембр голоса... Она будет очень стараться, много работать, и тогда полмесяца пройдет незаметно. Рихард вернется из Африки. Они встретятся, и она продержится на гормоне счастья еще какое-то время, до следующей встречи.

Лиза вбежала в отель чуть раньше назначенного часа. Надо осмотреться, заказать такси. У новых туристов какие-то бредовые желания, например, снять виллу недалеко от поместья, где раньше Елена Батурина с семьей проживала. У богатых свои причуды. И, хотя это вовсе не ее прямая работа, шеф строго сказал, что она должна помочь выгодным заказчикам. А потом уже провести свои экскурсии, если сибиряки того пожелают.

«На эту фамилию номер не зарезервирован, — по-немецки сказал портье, — наверное, какая-то ошибка...» — и на всякий случай во весь рот улыбнулся Лизе. Она уже знала, что так по-голливудски ослепительно приветствуют только в самых-самых, пятизвездочных гостиницах.

«Но мне назначена тут встреча. Могу я подождать?»

«Натюрлихь...»^{*}

Уселась на грандиозный диван в стиле «рококо». В вестибюле гостиницы покой, тишина, прохлада, только молоденькие девочки из «рецепшен» снуют туда-сюда. Где же ее сибиряки? Неужели шеф что-то напутал? Или она сама ошиблась, ведь память-то до сих пор девичья... А может, клиенты путешествуют инкогнито, не хотят свою фамилию засвечивать? Лиза уже сталкивалась с подобным. Но надо набраться терпения. Выяснить ситуацию.

Какие великолепные цветы в вазах в этом отеле! И какой роскошью пышет со всех сторон! Ее этим не удивишь, в такой обстановке она себя чувствует как рыба в воде. Сложись жизнь по-другому, и сама могла бы остановиться с мужем в таком же вот неслабом отеле. Но у Бога в голове, как видно, насчет нее другие планы.

Из лифта вышла парочка. Он — лет пятидесяти, с довольным и самоуверенным лицом то ли спортсмена, то ли киноактера, она — сильно мелированная блондинка, в бирюзовом костюме, испещренном всемирно известным значком «Шанели». По возрасту то ли поздняя жена, то ли ранняя дочь. Двинулись к Лизе. Она впереди. Подбородок победно приподнят. Жена.

«Поклон вам из Сибири... Какими судьбами в Германию-то занесло? — простецкий выговор немного не вязался ни с респектабельностью «Мандарина», ни с Шанелью. —

^{*} Конечно (нем.)

Будем знакомиться... Евгений. Мария. По телефону подумал, что вы совсем девчонка, а при встрече, так сказать, лучшее впечатление. Вам бы по подиуму ходить...»

«Спасибо. Вы очень любезны. Такси я заказала. Можем ехать, если вы готовы».

«Ты готова, Манюня? — Евгений нагнулся к жене. Та согласно кивнула. — Ну так вот... У нас, так сказать, большие планы. Хотим отдохнуть. Нуждаемся в релаксе. Нужна вилла на два месяца. Надеюсь, вы в курсе?»

«Конечно. Нас с вами уже ждут сегодня на нескольких виллах. Думаю, вы что-нибудь выберете».

Они вышли из отеля, сели в такси.

«А что это за виллы? Вы их видели? Нам нужно самое первоклассное. Хоромы, так сказать. С тремя спальнями. И чтоб рядом с домом, где Елена Батурина жила.

«Рядом найти не удалось. На соседней улице».

«Не, не пойдет. Я же сказал — рядом».

«К сожалению, там дома не сдаются. Это только приватное жильё».

«Никаких "только"! Я дал вам команду. Должны выполнять. Правда, Манюня?.. Тебе не холодно, девочка моя? Из окна не дует? Переведите ему, чтоб закрыл окна, включил кондиционер. Нечего нас проветривать, не в деревне...» — Евгений неодобрительно покопился на водителя.

«В деревне тебе бы больше подошло! — подумала Лиза. — Опять-таки, повернись кольцо фортуны иначе... Но судьба не имеет сослагательного наклонения. Судьба — не немецкая грамматика...»

«Так ты колись, как в Германию-то занесло? — Евгений вдруг резко перешел на "ты". — Втюрилась, что ли?»

«Наоборот. С мужем развелась, и вот... прибило к этому берегу...» — ее голос все-таки предательски дрогнул.

«Это ты погорячилась... А вы откуда будете, товарищ? — обратился он к шоферу такси, светлошоколадному, как мулат. — Спроси у этого черномазого, он-то чего сюда приперся? Жить надо в своей родной стране. Правда, Манюня? Подтверди... Вот у нас, так сказать, дом в Испании имеется, квартира в Лондоне — теща живет, купил, чтоб под ногами не путалась, — а сами-то мы — в Сибири. И это звучит гордо. Она, видишь ли, развелась. Может, ты готовить не могла или в койке ни рыба ни мясо, — вот он и пошел на сторону. Но это еще не повод покидать родину. Что, мало других мужиков? Приезжай к нам в Сибирь, любого для тебя оприходуем...»

Лизе стало смешно. Глянула в окно. Откинула волосы со лба. Рихарду понравился этот ее жест.

«Мы приехали. Вот она, вилла... — И по-немецки водителю: — Остановитесь, пожалуйста...»

Вышли из машины. Дом по виду — что-то среднее между подмосковной генеральской дачей и Баварской пивнушкой. Евгений скривился:

«Это еще что за хибара? Я же просил рядом с Еленой Батуриной»

«Вилла, где Батурина проживала, на соседней улице. Мы сейчас подъедем, и вы убедитесь сами, — Лиза начала уставать от своего клиента. Трудный случай. Шеф ей, как всегда, подсуропил... — Давайте осмотрим дом, раз уж приехали. У нас термин в пятнадцать ноль-ноль».

«Чего-чего? Какой еще "тер-мин"? По-русски мне говори! Манюня, садись обратно в машину. Ей нельзя волноваться... Ладно, давай быстро эту хибару осмотрим... Только ради тебя. Но сколько ты ни базарь, я за нее ни цента не дам, поняла?»

...Этот день должен же когда-нибудь кончиться... Мудрые люди говорят: надо дорожить каждым мигом жизни. «Жить и в пути умей!» — написал поэт. Но это так нестерпимо сложно, особенно когда приходится иметь дело с такими личностями, как Евгений. После осмотра пятой виллы, которую не замедлил охотить клиент, Лиза почувствовала: ее последние силы кончаются. Работа с людьми — самое неблагоприятное занятие на свете! Но каким бы ни был этот хмырь и другие ее клиенты, она не может позволить себе расслабиться или тем более — разозлиться. Как актриса, должна довести свою роль до конца, получить аплодисменты в виде гонорара. И домой. Вернее, в то место, которое она теперь называет домом.

В действительности, ее дом завис где-то между Москвой и Мюнхеном. Но она ни здесь, ни там. Сидит в бюро, водит приезжих по городу, рассказывает истории про герцогов, курфюрстов, королей, сыплет именами архитекторов и художников, а потом приходит к себе без рук, без ног. Работа — хорошее лекарство от любви к Рихарду.

Рано утром раздался телефонный звонок. Лиза сняла трубку и задержала дыхание. Спросонья у нее даже голоса не было. Кому это она понадобилась в такую рань? У эмигрантов совсем крыша едет.

«Доброе утро, — бодро сказала трубка голосом Рихарда. — Привет из Африки. Как вы поживаете? Разбудил?»

«Это ты... Где ты?»

«На Берегу Слоновой Кости, — сказал он вдохновенно. — У меня все отлично, мне здесь очень нравится...»

«Тогда я буду называть тебя Рихард с Берега Слоновой Кости...» — Лиза мгновенно проснулась и даже стала шутить.

«Гут. Скоро стану миллионером. Переговоры идут полным ходом. Завтра подписываем контракт. Дней через пять жди меня в Мюнхене. Столько впечатлений — не соскучишься...»

«Рада за тебя. Целую».

«И я тебя тоже...»

Теперь ей море по колено. Шеф, трудные клиенты, жара под сорок градусов... Он позвонил ей из Африки. Он скоро вернется.

Недели через три Лиза заволновалась. Что-то случилось. Ни Рихарда, ни африканских впечатлений. Может, переговоры затянулись, пришлось задержаться. Надо ему позвонить. Незнание невыносимо.

«Але», — ответил кто-то упавшим голосом.

«Я бы хотела поговорить с Рихардом», — сказала незнакомцу по-немецки. Видимо, один из практикантов.

«Это я, Лиза. Не узнаешь?» — голос был просто отчаянный.

«Ты вернулся? Что с тобой? Ты болен?»

«Хуже. Я попал в историю. Потерял много денег. Эта фирма в Африке оказалась подставная. В ней орудовали мошенники. Их уже ищет Интерпол. Я назанимал кучу денег, думал, что верну все сполна. Мне очень плохо, Лиза».

«Я могу тебе чем-нибудь помочь?»

«Моя декабристка... Никто, слышишь, никто не может мне теперь помочь!»

«Я приеду...»

«Приезжай...»

Дорога к Рихарду заняла больше часа. Но Лиза готова была проехать сотни километров, лишь бы оказаться там, где он.

Позвонила. Калитка открывалась автоматически изнутри. Рихард стремительно выбежал ей навстречу. Обнял, поцеловал. Он осунулся и был не похож на себя прежнего. Глаза стали какими-то тусклыми, точно в них выключили свет.

«Ты сегодня ел хоть что-нибудь?»

«Какая еда! Я разорен, понимаешь?»

«Интерпол найдет этих негодяев, вот увидишь...»

«Может быть, но когда это будет? А мне уже через три месяца надо платить долги.»

«Что же ты будешь делать?»

«Ну... Кое-что я уже предпринял. Попросил помощи у своего старого друга. Он сейчас на Севере — шишка, большие дела крутит. Не хотелось с ним связываться, но, как я и думал, он не смог мне отказать...»

«А чем он занимается?» — Лиза задала этот вопрос, и ей почему-то стало не по себе...

Рихард отвел глаза:

«У него свой завод, разные коммерческие операции, серьезные сделки... Ладно, хватит о делах. Ты же знаешь мое золотое правило — ни слова о работе, когда к тебе пришла женщина».

«Это что-то новое...» — подумала она и заставила себя улыбнуться. Ясно, что Рихард хочет сменить тему, забыть о проблемах, которые свалились на его голову. Женщина — иногда она очень даже кстати в напряженной жизни бизнесмена.

«Жди меня в нашей комнате... Я — быстро...»

В «нашей комнате» — звучит очень красиво. Но разве есть у них что-то общее, кроме этих встреч? Его фирма, ее любовь... Его партнеры и ее клиенты... И тот кусок его жизни, его квартиры — куда он иногда ее впускает. Сейчас ему очень плохо. Он попал в переделку. Она нужна ему. Вот почему она здесь.

...В квартире Рихарда за то время, что они не виделись, мало что изменилось. Даже пальмы в кадках не завяли. И рыбы невозмутимо плавают в аквариуме. Только чувствуют ли они, как трудно сейчас их хозяину? Рихарда обманули. Это ужасно, но он обязательно выкрутится. Когда он придет к ней в постель, она должна зарядить его своей уверенностью. Эта уверенность будет плавно перетекать в него, как будто они — сообщающиеся сосуды. И они будут любить друг друга долго-долго, нежно-нежно, как умеют только они.

Борис, давний приятель Рихарда, очень удивился, что тот проявился через столько лет. Говорит, по Интернету нашел его завод, порадовался, что кому-то везет в бизнесе. На Западе теперь проживает. Там человек человеку — волк, а не друг, товарищ и брат. Видно, о нем вспомнил, потому что больше сунуться не к кому. С африканцами связался. Накололи по-крупному. Впрочем, Рихард всегда был совершенно непредсказуемым малым... Борис решил, что бросит спасательный круг утопающему, даст сколько-то денег на отмазку, а потом уже сделает то, что давно следовало бы сделать...

Когда-то давно, жизнь тому назад, Рихард и Борис были закадычными друзьями. В одном дворе жили, в параллельных классах учились, вместе за грибами-ягодами в тайгу ходили, друг с дружкой в карты резались. Стали постарше — за одними и теми же девчонками ухлестывали, только Рихард всегда у женского пола в любимчиках ходил, а Бориса женщины оценили много позднее, когда он уже заматерел, стал накаченным, как боксер, научился большие деньги заколачивать. В классе десятом Рихард закрутил любовь аж с дочкой главного архитектора города. Порывистая была девчонка, пронзительно красивая и нецелованная. Раскосые глаза в ворохе ресниц. Мариной звали. Борис, тот на нее только засматривался, мечтал о ней, письма, сумасшедший, ночами сочинял. А Рихард действовал иначе: как, Борис до сих пор не смог понять. Знал только, что у Марины с Рихардом такая

любовь приключилась, что все в городе о свадьбе заговорили. Только что-то у них там в последний момент сорвалось: то ли Рихард раздумал жениться и сбежал, то ли отец Марины не захотел свою единственную дочку замуж за немца выдавать. Расстроилась свадьба. Разошлась парочка. Рихард в другой город поступать в нефтехимический уехал. Марина осталась со своим позором, потом долго болела, никак восстановить здоровье не могла. В городе слух прошел, что пришлось ей тайно от родителей криминальный аборт на позднем сроке делать. Года через три только Борис снова Марину случайно на улице увидел, показалась она ему почти прежней, только ушло сияние молодости и раскосые глаза притушили свой блеск. Подошел к ней, поздоровался. Она была приветлива, но грустна. Борис почувствовал, что Рихард незримо стоит между ними, что Марина его до сих пор не забыла, что она все еще полна им... Очень Бориса к ней тянуло, но решил отступить. Занялся собственной карьерой, стал замом секретаря комсомольской организации крупного ВУЗа. Потом пошел еще выше. Сел в кресло председателя профкома. Теперь он стал выгодной партией даже для такой девушки, какой была Марина. С отличием защитил диплом. Получил место в обкоме. Часто ездил в командировки. И совсем потерял Марину из виду. Но однажды они снова встретились.

То ли судьба, то ли случай. Борису предложили в то лето, а точнее, буквально навязали горящую путевку в Планерское, под Феодосией. Санаторий был непростой, публика — из руководства, пресные лица членов семей... Ни одной интересной личности, особенно женского пола. Борис так расстроился, что хотел бросить путевку, улететь обратно к себе на Север. Но что-то его удержало. Через три дня на пляже он увидел Марину. Еще не загоревшую, в шезлонге. Она отдыхала рядом на турбазе. Обратно, домой, они уже ехали вместе, не разнимая рук... Через месяц поженились. Через полгода получили трехкомнатную квартиру в доме для ответственных работников. Мебель из карельской березы купили, кухню чешскую, японский магнитофон. Он — обкомовский работник, Марина — диктор на телевидении. Но счастье почему-то обходило их стороной. Борис делал для жены все, что мог, а ее мучили головные боли, ночные кошмары. Вскоре даже работать не смогла, стала домохозяйкой. Дом — полная чаша, муж с положением; другая бы цвела, радовалась, а Марина на глазах угасала, точно в ней что-то надломилось. Точила ее болезнь изнутри, это было видно. Хотели ребенка, но никак не получалось. Чего только не делали. В Москву ездили, к бабке ходили, в Карловых Варах оба обследовались. Ни-че-го. Врачи сказали: неудачный аборт, хрупкое здоровье... Но надежда еще оставалась. Стали заниматься любовью в определенные дни, как врач посоветовал. Марина к Борису очень уважительно относилась, но любить не любила... Призналась как-то, что он-де до горячего не достает, что не чувствует она себя с ним полноценной женщиной, вот с Рихардом — с тем была просто сказка, тысяча и одна ночь, а с Борисом — все так себе, проза жизни, обыденность... И жестко добавила: «Потому и дети у нас с тобой не родятся — страсти нет...»

Борис в тот раз вышел из себя, на жену замахнулся: «Катись к своему гребаному! Ноги твоей чтобы тут не было!» Даже адрес Рихарда предлагал достать по своим каналам. Достал. Принес. Он ведь человек слова. Только не взяла Марина этот адрес. Еще больше ушла в себя. Подурнела. На своем бесплодии заиклилась. Постепенно теряла рассудок. Как-то, когда он в ГДР уезжал, попросила: «Привези мне оттуда куклу. Говорят, они там как настоящие младенчики, не отличишь...» Привез, дурак. Самую дорогую купил. В шелковом платье, личико фарфоровое. С порога куклу схватила. И уже из рук не выпускала. Шептала только: «Доча, немочка моя...» Глаза стали совсем безумные. Судороги начались. Пришлось вызвать врача. Увезли в особую больницу. Информация конфиденциальная, но все равно наружу просачивалась. Борису перед людьми было стыдно. Он ведь заметный человек

в городе. Занимает высокие посты. А с женой такая незадача. Другие, как кошки, рожают. Или на аборты по два раза в год бегают, а эта... Тоже мне, п... на горошине. Раньше бабы в поле первенцев роняли, а эта не то что родить — никак залететь не может... Во всех несчастьях Борис винил Рихарда. Но и Марина хороша, давалка. Вот что значит по молодости, по глупости с фашистами любиться. От этой нации русскому человеку одни страдания. Не зря батя его говорил: «Хороший немец тот, что под землей лежит...»

Но долг есть долг. Борис регулярно навещал жену в больнице, цветы, фрукты приносил, смотрел на нее встревоженными, все еще любящими глазами. Но что толку. Не в себе человек. Теперь уже не о родах речь. Не померла бы.

С горя в бизнес пошел, когда новые времена настали. Образование весомое — хозяйственник. Опыт работы. Все пригодилось. Деньги приличные пошли. Но все уходило на лечение Марины. Лечишь ее лечишь, да не в коня корм. Двадцать уж лет прошло, а так их род и не продлился. Марина все по больницам, он — по коммерческим нуждам...

Пару лет назад удалось алюминиевый комбинат приватизировать. Старые связи помогли. Но тут авторитетные ребята наехали, прибылью интересовались. Разговор у них короткий: пиф-паф — и соболезнование в траурной рамочке в газете. Делать нечего — стали совладельцами. У каждого времени свои законы, свои покровители. Теперь они с братками завод поровну контролируют, если какие проблемы — сообща решают. Зато Борис по-настоящему состоятельным человеком стал. Что называется, себе до конца жизни хватит, детям, а может, и внукам... Только нет у них детей. И не будет. Здоровье жены подорвано. Лучшие годы ушли. И если бы этот подонок Рихард не исковеркал жизнь несчастной Марины — были бы они сейчас с ней в полном порядке. Жили бы полнокровной жизнью, крепкой семьей... Внуков бы уже поджидали. А так... Кому все это добро оставишь, если наследников нет?

Долг платежом красен. Теперь Борис хотел одного — возмездия.

...Алан наблюдал за домом Рихарда уже не первый день. Задача стояла несложная, но все шло совсем не так, как Алан предполагал. Объект прочно засел в своей хате, и терпение Алана было на пределе. «Хоть бы за сигаретами вышел», — он сплюнул в траву, опустив стекло в машине. В принципе, ему в кайф было стоять вот так в лесу и вообще в кайф была эта самая Германия. Только хотелось поскорее закончить дело, получить бабки и вернуться в свой маленький осетинский городок, где его ждала невеста. Девушка жила на соседней улице, отец ее работал директором птицефабрики, семья была зажиточная. Алан должен был выплатить большой калым отцу невесты, и саму свадьбу решили делать по-богатому. И теперь Алану до зарезу нужны были деньги. Работы в Осетии — мало, и он подался на Север. Там долго перебивался случайными заработками, потом через десятых лиц вышел на Бориса. Тот оказался мужиком толковым. Подкинул две-три работенки... Неплохо забашлял. Даже в кабаке пригласил. Гульнули там с девчонками... После вызвал на разговор. Интересовался, откуда приехал, какие проблемы, умеет ли он стрелять, служил ли в армии. Услышав, что воевал на стороне федеральных войск, очень оживился, пообещал, что будет супер-работа. Вскоре ввел в курс дела. Надо было бесшумно убрать одного из Питерских чиновников среднего звена, который им палки в колеса ставил. Алан всегда любил боевики смотреть, особенно нравились ему драки, погони и когда пуляют друг в друга. «Если хорошо выполнишь задание, — сказал Борис, когда он отправлялся в Питер, — поедешь за бугор. Там тоже есть одно дельце. С чуваком одним надо разобраться...»

К деньгам, особенно к долларам, Алан относился трепетно. Тем более теперь, когда решил жениться, денег надо много. Мариса, невеста, сказала, что мечтает о большой семье.

Если деньги хорошие пойдут, за десять тысяч долларов Алан решил купить машину, а пять вложить в какой-нибудь бизнес. Можно магазин на рынке взять в аренду или еще что-нибудь придумать. Если своих мозгов не хватит, родственники что-нибудь посоветуют, были бы зеленые. Слово «киллер» Алану даже по-своему нравилось, казалось, что он сидит в кино, смотрит какой-нибудь захватывающий боевик, где кровь рекой льется. «Если человек хороший, Аллах никогда не допустит его гибели, а если человек сложил голову в бою и за правду, пошлет его душу прямиком в рай», — эти слова, которые он услышал недавно в мечети, глубоко запали ему в душу.

Дом Рихарда стоял рядом с лесом настолько удобно, что нарочно не придумаешь. Два дня назад к Рихарду пришла в гости какая-то молодая женщина. Алан напрягся и весь превратился в слух. Борис запретил пачкать в доме, и Алан все время надеялся, что Рихард наконец-то выйдет из своей хаты, повезет куда-нибудь женщину на своем зеленом драндулете и Алан сможет сделать то, ради чего он сюда, в Германию, и приехал. Он задремал и проспал, наверное, часа три. Потом проснулся, отхлебнул колы, съел кусок холодной пиццы и снова стал смотреть на дом, где жил объект. Работа у Алана все-таки была довольно сложная, но он понимал, что просто так такие деньги не платят. Уже смеркалось. Рядом были Альпы, и воздух даже чем-то напоминал горный воздух его родного северо-осетинского городка. Алан подумал о своей невесте и о том, как она обрадуется, когда он вернется домой с большими баксами.

Наконец, калитка скрипнула. Алан включил прибор ночного видения. Ближе подъезжать было опасно, ведь это была Германия, а не Россия, и Алан боялся навлечь неприятности на свою голову. Из темноты вышли двое. Женщина была белокурая, на редкость классная, она шла немного впереди и выглядела очень счастливой. Даже отсюда Алану было видно, что она влюблена. Она то и дело останавливалась и лънула к мужику, который Алану сразу резко не понравился. «Шайтан поймет этих женщин, — зло подумал он про себя. — Что нашла в нем эта телка, отчего притащилась к нему сюда неведомо откуда и почему засела у него на целых два дня?..» Засела, не давая Алану выполнить свою работу и поскорее вернуться домой, пока его греческая виза не кончилась.

Баба все ворковала, и Алан увидел, что она очень даже в его вкусе — веселая, рослая и фигуристая, он решил, что не будет ее убирать, пускай живет, если такая красивая, тем более, что насчет нее Борис никаких указаний ему не давал, а уверял, что объект живет за городом совсем один. В руках женщина держала цветы с длинными стеблями. В Осетии такие цветы обычно дарили учительницам перед началом нового учебного года. Уже прицелившись, он вспомнил, что они называются гладиолусы. Раздался глухой хлопок выстрела. Женщина вскрикнула и стала валиться на траву. Алан понял, что промахнулся. Он грязно выругался и рванул с места машину. Уже разгоняясь, он увидел, что из соседнего дома выскочил фриц с двумя собаками и бросился на страшный крик объекта. Больше стрелять Алан не стал. Надо было тикать, пока не застучали...

Илья Стефанов (псевдоним Владимира Степановича Черняка). Поэт, прозаик. Родился в 1937 году в селе Журавка Чистоозерного р-на Новосибирской обл. В настоящее время живет в Новосибирске. Автор многих публикаций. Член Союза писателей XXI века с 2022 года.

ДВА ЭССЕ

ГАРМОНИЯ

ЭССЕ

Недавно я испытал чудесное переживание, которое унесло меня от забот и тяжести повседневности в мир прекрасного, в тот мир, в миг перехода в который хочется сказать: *Мгновение, остановись!* Я слушал музыку, и вдруг одна пьеса показалась мне совершенной, гармоничной, искусной до такой степени, которой, казалось, не достигало ничто из созданий человеческого гения, как будто это было созданием небес. Мне казалось, что я не только присутствую при каком-то таинстве, не только наблюдаю его, но и проникаю в самую тайну, так что становится понятен и смысл происходящего, и все его причины и следствия. Вдруг я почувствовал огромное душевное облегчение от того, что мне посчастливилось соприкоснуться с высочайшей гармонией, облегчение, которое возникает в редкие минуты потрясений бесконечно прекрасным, когда суэта жизни кажется ничтожной, недостойной человека, а от счастья непознанных еще переживаний, которых, кажется, только и не доставало для полного познания жизни, и умереть не страшно. Возникает состояние душевного полета, всепроникновения, и в то же время тебя охватывает чувство высокого спокойствия, в котором, говорят, постоянно пребывают только мудрецы.

То, что я пережил — трудно описать. Может, этот мой опус останется непонятым. Но с чем его можно сравнить? Мне кажется, подобные переживания иногда испытываешь после счастливых любовных свиданий.

Когда я бываю переполнен делами и заботами дня и становится дико от бессмысленности суеты, я слушаю эту музыку, чтобы прийти в себя (или уйти от себя?), успокоиться и немного «полетать». Иногда я слушаю ее, оценивая с технической точки зрения, стараясь уловить каждый

звук, чтобы оценить его уместность и поразиться, и насладиться его безошибочностью. И, раздумывая о ритмах своей будущей художественной прозы, стараюсь запомнить чудодейственные музыкальные ритмы и повороты, вызывающие глубокие переживания и уносящие душу в небеса, чтобы попытаться подобное вызвать словом.

НЕМНОГО О СЧАСТЬЕ

Сегодня на работе меня сильно утомил компьютер. Усталый и грустный, иду домой. Чтобы развеяться, прийти в себя, я шагаю энергично и стараюсь голову держать высоко, но свободно, так, чтобы у нее была одинаковая возможность свеситься вперед или отклониться назад. В этом случае плечи разворачиваются, а грудь расправляется, что очень благоприятно для дыхания, а ведь известно, что дыхание — основа жизни. При этом расправленная грудь, вместе с несколько поджатым от этого животом, держится на бедрах подобно тому, как голова на плечах. А ноги при такой ходьбе с удовольствием держат положение центра тяжести человека на постоянном расстоянии от дороги. При этом ступни, прикасаясь к ней, пусть даже через подошвы ботинок, стараются ощутить ее пальцами, которые, чувствуя себя распушенными в начале шага, в последний момент действуют слитно, отталкиваясь. А пятка в таком шаге лишь слегка соприкасается с дорогой, и это правильно, если вспомнить, что ведь все другие млекопитающие, кроме медведя, на пятку вообще не наступают.

Но — о чем это я? Да! Это я так иду, возвращаясь с работы, и мне, утомленному, немного грустно. Но после получаса такой ходьбы я прихожу в себя. И первое, что меня окончательно оживляет — воспоминание о том, что дома меня ждет история древнего Рима Эдварда Гиббона, которой я зачитываюсь последнее время поздними вечерами. История историей, но в ней есть и то, что мне больше всего нравится при чтении — неожиданные, неслыханные сочетания слов.

Последнее время я с удовольствием работаю, с удовольствием хожу по улицам, с удовольствием читаю. Но — перестал писать стихи! Мне даже не хочется думать о них. Потому что меня охватывает ощущение счастья! Бывают такие моменты в жизни, когда окружающий мир со всеми его мелочами становится вдруг значительным и осмысленным, нас охватывает ощущение тесной связи с ним и понимание целесообразности жизни! При этом мы не прислушиваемся к своим душевным движениям, а только наслаждаемся ими — нам жалко тратить время, чтобы изобразить их. И вроде бы ничего в жизни особенного не произошло! И в то же время, наверное, произошло! По-видимому, много мелких событий сошлись в редком сочетании, определяющим особое состояние души.

Но в такие моменты, когда говорят, *Бог прошел мимо*, нужно быть осторожным. У счастья есть свои проблемы, потому что становишься беспечным, а это опасно, потому что беспечность может породить невнимательность к окружающим и даже, может быть, к самому себе! Теряется бдительность, этакая умеренная настороженность и готовность совершать поступки. *Счастье — плохой наблюдательный пункт*, — предупреждает Фазиль Искандер. А вот что есть в книге Эдварда Гиббона об этом: *Душа, расслабившаяся от избытка счастья, не способна возвышаться до того великодушия, которое гнушается подозрениями и осмеливается прощать*. Как вам это нравится? Надо будет все-таки постараться осторожно понаблюдать за собой, счастливым, и потом постараться поэтически изобразить тайны счастья. Эпиграфом к циклу таких стихов можно будет взять упомянутые слова великого историка.

Счастье-радость... Жизнь — захватывающая штука. Но каждый понимает счастье и радость по-своему, настолько разное, что это приводит к столкновениям и даже смерти. Трагедия жизни состоит в том, что люди еще очень недолго живут на земле и не знают совершенно своего предназначения. У них слишком много свободы, и они не умеют с пользой ее употребить. Интересно, что животные, у которых мозгов меньше, делают это более разумно. Человеку дано много свободы и мозгов, но свободы — больше! Поэтому человек — *болезнь Земли* (как заметил Бернард Шоу). Самые гармоничные создания — это деревья. Они живут на Земле намного дольше людей и животных, потому так спокойны, а значит — счастливы.

Кажется, я пустился в размышление о сути счастья. А ведь это признак того, что оно скоро покинет мою душу, освобождая место для вдохновения, через которое людям открываются многие тайны жизни... но не причины и свойства счастья. Да, это так же трудно постичь, как и догадаться об истоках любви...

«ЧУДО ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ»

И. С. ТУРГЕНЕВ И АЛОИЗИЙ БЕРТРАН (145 лет циклу «*Senilia*. Стихотворения в прозе»)

Иван Сергеевич Тургенев ввел в русскую литературу новый жанр — стихотворение в прозе, создав цикл произведений под двойным заглавием «*Senilia*. Стихотворения в прозе» (1878–1882).

Оригинальность, национальное своеобразие и общечеловеческое значение тургеневского цикла были отмечены уже современниками писателя. По отзыву П. В. Анненкова, это «оригинальное и обаятельное явление в высшей степени»¹. Для характеристики этого необычного литературного явления критик использовал и сравнения необычные: определил собрание стихотворений в прозе как «ткань из солнца, радуги, алмазов, женских слез и благородной мужской мысли» (10, 456). Н. Невзоров не менее образно назвал тургеневский цикл «калейдоскопом, составленным из разнообразных по величине и качеству бриллиантов», отмечая «необычайную силу выраженных в этом калейдоскопе мыслей и чувств» (10, 462).

Несмотря на значительные успехи в их изучении, «Стихотворения в прозе» по-прежнему представляют для читателей и исследователей ряд загадок. Так, до конца не проясненной остается проблема творческой истории и литературных источников цикла. В литературоведении предпринимались попытки соотнесения отдельных стихотворений в прозе Тургенева с произведениями Гейне, Гофмана, Леопарди² — с учетом определенной близости жанровой природы. Однако, как подчеркнул академик М. П. Алексеев, из всех параллелей «важнее всего те, которые ведут нас во французскую литературу, так как во Франции возник и самый термин, которым пользовался Тургенев, и создано было наибольшее количество произведений, близких к его "*Senilia*" в жанровом отношении» (10, 472–473). В то же время ученый указал, что проведен-

ные сопоставления отдельных стихотворений в прозе Тургенева и Бодлера мало убедительны (См.: 10, 474).

Действительно, сходство Тургенева с французским поэтом Шарлем Бодлером преувеличено и формально. Прежде всего отличаются источник вдохновения и общее настроение созданных ими произведений. Печаль Тургенева по-пушкински «светла». «Что за гуманность, что за теплое слово при простоте и радужных красках, что за грусть, покорность судьбе и радость за человеческое свое существование» (10, 455), — восхищался критик Анненков. Но — в отличие от тургеневского — чувство Бодлера исполнено разочарования и гнева.

Итальянская исследовательница Анна Ло Гатто Мавер в статье «Несколько гипотез по использованию французских образцов в "Стихотворениях в прозе" Тургенева» справедливо заметила: «Меланхолия и понимание человечества со всеми его ошибками, некоторый вид абстракции в выражении чувств и мыслей в поэзии сближают Тургенева с Бертраном, но не с Бодлером. Грусть Бодлера полна боли и горечи, которые трансформируются в ярость, иронию и сарказм. В ней нет нежности, печальной мечтательности Тургенева и Бертрана»³.

Именно с Бертраном связано зарождение стихотворения в прозе как особого поэтического жанра — не только во французской, но и в мировой литературе.

Жак-Луи-Наполеон Бертран, или — как он любил именовать себя на старинный манер — Алоизиус Бертран (1807–1841), — поэт-романтик, умерший от туберкулеза в возрасте 34-х лет, мало известен за пределами Франции. В настоящее время его знают как автора единственной небольшой книги стихотворений в прозе. При жизни он не был оценен по достоинству, а после смерти почти забыт. Показательной самохарактеристикой-предвидением могут служить строки из письма поэта: «Прошло время, а мой час не настал. До сих пор я лишь червь, который дремлет в своей куколке, ожидая, что его либо раздавит нога прохожего, либо луч солнца дарует ему крылья. <...> Погруженный в созерцательную жизнь, заточенный, как монах в келье, в круге своих занятий и искусства, изолированный и никому не известный, я с невыразимо тоскливой болью, от которой кровь приливает к сердцу, делюсь с Вами моим горем»⁴.

Бертран не надеялся, что книга «какого-то бедного бумагомарателя», «бывшего иной раз замечательным поэтом»⁵ (как он именовал себя), обретет широкое читательское признание. Обращаясь в посвящении к Виктору Гюго, поэт говорит о «неведомом библиофиле», который когда-нибудь «извлечет из могилы эту заплесневевшую, трухлявую книжицу» и «на первой странице прочтет твоё прославленное имя, которому моего имени не спасти от забвения»⁶.

Тургенев, будучи маститым писателем, также высказывал сомнения относительно долговечной судьбы своих «Стихотворений в прозе». Он писал Д. В. Григоровичу 3 (15) декабря 1882 года: «и "река времен в своем течении" унесет в лоно забвенья эти легонькие листки...» (10, 460). Время не подтвердило этот пессимистический прогноз. Цикл «*Senilia*» («Старческое») как одно из наиболее совершенных созданий «позднего» Тургенева, признанный шедевром мировой литературы, показал, что для жанра стихотворений в прозе «час настал».

Бертран — родоначальник стихотворения в прозе — этим жанровым обозначением еще не пользовался. В то же время французский художник слова хорошо сознавал жанрово-стилевое новаторство своего литературного детища, говоря о нем как о «новом жанре прозы»: «"Гаспар из тьмы", эта излюбленная книга моего сердца, в которой я попытался создать новый жанр прозы» (263). Полное название книги Бертрана — «Гаспар из тьмы. Фантазии

в манере Рембрандта и Калло» (1842). Первое издание было осуществлено с большими трудностями — и лишь через год после смерти поэта.

Литературные эксперименты Алоизиуса Бертрана впоследствии вдохновили Шарля Бодлера на создание его «Маленьких стихотворений в прозе» («*Petits poèmes en prose*» — 1869), с появлением которых новый жанровый термин вошел в употребление. Бодлер прямо ссылаясь на художественный опыт своего предшественника в предисловии к циклу, адресуясь к журналисту Арсену Уссе: «Я должен сделать Вам маленькое признание. Перелистывая по меньшей мере в двадцатый раз знаменитую книгу Алоизия Бертрана "Гаспар из тьмы" <...>, я набрел на мысль — попытаться сделать нечто в том же роде, применив к изображению современной жизни или, вернее, духовной жизни одного современного человека тот самый прием, который был применен им к описанию жизни былых времен» (10, 473–474).

Продолжатель Бертрана отчетливо понимал, какие широкие творческие возможности открывает перед писателем новая жанровая форма, насколько она может быть привлекательной и «удобной» для читателя: «Мы можем прервать в любой момент я — свои мечтания, вы — просмотр рукописи, читатель — свое чтение, ибо я не связываю своенравной воли его бесконечной нитью сложнейшей интриги. Выньте любой позвонок, и обе части этого капризно извивающегося вымысла соединятся между собой без малейшего затруднения» (10, 473).

На тот же принцип относительно свободной композиции впоследствии указал Тургенев в авторском обращении «К читателю», помещенном в качестве предисловия к циклу «*Senilia*»: «Добрый мой читатель, не пробегай этих стихотворений сподряд <...> Но читай их враздробь: сегодня одно, завтра — другое, и которое-нибудь из них, может быть, заронит тебе что-нибудь в душу» (10, 125).

Вопрос о том, знал ли Тургенев о Бертрane, читал ли его книгу «Гаспар из тьмы», остается в литературоведении открытым. Насколько известно, русский писатель нигде и никогда не упоминал имени поэта, основательно забытого даже в его родной Франции к тому времени, когда туда переехал Тургенев.

Называя творение Бертрана «знаменитой книгой», Шарль Бодлер выдавал желаемое за действительное, стремясь вернуть «Гаспара из тьмы» из тьмы забвения. В письме к Арсену Уссе Бодлер в скобках замечал: «(книга, известная Вам и несколько нашим друзьям, неужели она не имеет права быть названной *знаменитой*?)»⁷.

В то же время не исключается возможность, что Тургенев мог, по крайней мере, слышать о Бертрane в кругу французских литераторов. Анна Ло Гатто Мавер выдвинула предположение о том, что русский писатель мог также знать о Бертрane по рассказам о его «закадычном друге» — французском актере Гаспаре Дебюро — «знаменитом ярмарочном клоуне» в амплуа «печального Пьеро», хорошо известном в литературном мире Франции, куда его ввел Шарль Бодлер. «Мэтр романтизма» Виктор Гюго, который одобрительно отзывался о стихотворных опытах Бертрана, лично встречался с Дебюро. Не исключено, что дружба поэта Алоизиуса Бертрана и актера Гаспара Дебюро проясняет загадку заглавия книги «Гаспар из тьмы», хотя существуют и другие версии истолкования смысла заглавия.

Все же гипотезу итальянской исследовательницы следует признать маловероятной, поскольку и Бертрана, и Дебюро к тому времени, когда Тургенев тесно общался с французскими писателями, уже давно не было в живых, и они мало кого интересовали. Но бесспорен тот факт, что «печальный писатель России» («самый печальный из людей», как отзывалась о Тургеневе Полина Виардо) для того, чтобы описать свои мысли и самые глубокие лирические переживания, избрал ту же форму стихотворения в прозе, которую во француз-

ской словесности открыл Бертран — «маленький печальный Пьеро», подверженный приступам меланхолии и душевной тоски.

В «Стихотворениях в прозе» Тургенева и «Фантазиях» Бертрана творческая индивидуальность русского писателя-реалиста и французского поэта-романтика проявляется настолько ярко, что вопрос о том, знал или нет Тургенев о книге Бертрана, уходит на второй план. Вместе с тем лирико-философские раздумья, определенный круг проблем: человек и мироздание, быстротечность жизни и неизбежность смерти, гармония и трагизм бытия — позволяют установить типологические связи между циклами произведений двух авторов.

Сюжетно-содержательная сторона стихотворений в прозе русского и французского художников слова не имеет практически ничего сходного. Бертран целиком погружен в средневековое прошлое Франции, в историю своего родного города Дижона — некогда славной столицы Бургундии. Трепетная мечтательность романтика, беззащитного и растерянного перед жестокой и совсем не поэтичной реальностью, вызывает острое желание укрыться, спрятаться от нее в идеальном мире, созданном в собственном воображении Бертрана. Для личности и мироощущения художника, который не только сочинял, но и жил как романтик, показателен следующий факт его биографии: умирающий поэт-одиночка, страдавший, по его словам, «дикарской гордостью и необщительностью» (266), стора от стыда за свою нищету, буквально спрятался, укрывшись с головой, под одеялом, когда в больнице для бедных его навещил скульптор Давид Д'Анже, желавший предложить дружескую помощь.

Книга Бертрана изобилует типично романтическими образами, уводящими их создателя в дивное царство волшебной мечты. Бертрановские стихотворения в прозе переполнены старинными замками, готическими храмами, башнями и колокольнями, рыцарскими турнирами и разбойничьими набегами, феями и гномами, водяными и сильфидами, алхимиками и астрологами, кудесниками и палачами. Эта доходящая до пестроты многоликость в описаниях жизни, по словам Бодлера, «столь странной для нас и столь живописной» (10, 474), в эстетике романтизма создает ощущение «картинности», непосредственной связи творчества художника слова с творениями художников кисти. Вторая часть заглавия книги Бертрана — «Фантазии в манере Рембрандта и Калло» — напрямую отсылает к живописной манере старых мастеров.

Искусство великого голландского художника Харменса Ван Рейна Рембрандта (1606–1669) и французского живописца, гравера, офортиста периода перехода от Ренессанса к барокко Жака Калло (1592 или 1593–1635) явилось для поэта источником вдохновения и творческой энергии, породившей стремление новаторски соединить литературную манеру с живописной. Бертран ощутил, что для воплощения этой цели требуется особая художественная форма — более свободная, чем стихи, и в то же время более организованная ритмически, чем проза. Необычный жанр, открытый поэтом, определил оригинальность его творчества и позволил не только следовать мастерам голландской и фламандской художественных школ XVI–XVII веков, но даже творчески состязаться с ними, живописуя словами затейливые сценки, причудливые пейзажи и замысловатые интерьеры.

Тургенев также выступал знатоком и тонким ценителем живописи. Например, его очерк «Поездка в Альбано и Фраскати (*воспоминание об А.А. Иванове*)» (1861) свидетельствует об активном взаимодействии двух видов искусства — словесного и живописного. В то же время очевидна самобытность тургеневской художественности. Созданные писателем на закате дней неповторимые «пейзажи души» не передаваемы живописью и не имеют аналогов в изящной словесности.

«Литературная живопись» тургеневских «Стихотворений в прозе» представлена в иной манере, чем у экзальтированного романтика Бертрана. На пересечение искусства слова

и живописи в поэтике цикла указывал сам Тургенев, когда объяснял редактору журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичу, посетившему писателя в Буживале, особенности жанровой природы своего нового творения: «это нечто вроде того, что художники называют эскизами, этюдами с натуры, которыми они потом пользуются, когда пишут большую картину» (10, 452).

Эскизы, этюды, предварительные наброски более динамичные, композиционно свободные, «воздушные» по сравнению с законченными полотнами. Эту особенность почувствовали современники Тургенева, расценив его «Стихотворения в прозе» как «мимолетные наброски», «отрывки», «поэтические искры». Так, в газете «Одесский листок» 8 (20) декабря 1882 года отмечалось: «искры дышат поэзией и глубиной мысли; нужно ли говорить о том высоком наслаждении, которое испытывает читатель, любясь этими мимолетными набросками, этими художественными отрывками, от которых веет бодростью, свежестью, молодостью великого бессмертного таланта и глубоко любящего сердца» (10, 461).

Анализ цветового строя стихотворно-прозаических циклов Тургенева и Бертраана показывает, что французский поэт пользовался полноцветными, насыщенными красками: доминируют «синий», «зеленый», «золотой», «красный». В палитре русского художника слова превалируют пастельные тона, краски более нежные, прозрачные: «синеватый», «бледно-зеленый», «лазурный», «перламутровый» — с преобладанием «серого», «дымчатого», «седого» цветовых оттенков. Цветопись цикла «*Senilia*» позволяет читателю не только понять, но буквально увидеть, что размышления и воспоминания автора словно подернуты пеплом отгоревшей, угасающей жизни, сочные краски которой лишь на миг выхватывает из сгустившегося ночного мрака «трепетный огонек» (10, 129) («Собака», «Роза», «Старик» и др.).

Многочисленность в миниатюрах Бертраана также предстает как яркое световое пятно, выхваченное из тьмы, будто на потемневшей от времени картине, «столь закопченной, что на ней уже ничего нельзя разобрать» (55) («Библиофил», «Продавец тюльпанов», «Серенада», «Алхимик», «Готическая комната», «Келья» и др.). Например, в миниатюре «Саламандра» нарисована темная «каморка из копоти и пепла». Но в очаге разгорается пламя, переливающееся «розовыми, голубыми, красными, желтыми, белыми и лиловыми блестками» (68).

Стихотворения в прозе обоих авторов представляют собой по преимуществу «ночной пейзаж души». Вокруг художественных полотен словно сгущается ночная мгла. В этом отношении показательны лирические миниатюры Тургенева «Песочные часы», «Я встал ночью...», «Как хороши, как свежи были розы...» и, например, «Ночные бродяги», «Лунный свет», «Вечерня» Бертраана; в целом третья книга его «Фантазий» — «Ночь и ее причуды».

Философско-поэтическая символика света и тьмы, развернутая метафора угасающей жизни последовательно раскрываются в мотивном комплексе тургеневского шедевра «Как хороши, как свежи были розы...»: «в темной комнате горит одна свеча. Я сижу, забившись в угол <...> А в комнате все темней да темней... Нагоревшая свеча трещит, беглые тени колеблются на низком потолке <...> Свеча меркнет и гаснет... <...> Мне холодно... Я зябну... И все они умерли... умерли... *Как хороши, как свежи были розы...*» (10, 168). Рефренный повтор строки полузабытого стихотворения И. П. Мятлева (1796–1844) «Розы» (1834) задает элегическую тональность и ритмически организует весь текст.

На философско-содержательном и отчасти стилистическом уровнях сходные мотивы различимы в стихотворно-прозаических строках Бертраана: «Но увы! У меня уже нет солнца с того дня, как закрылись прекрасные очи, согревавшие мне душу!» («Шевреморт» — 100); «И мне слышались как бы вздохи и рыдания, в то время как пламя, ставшее мертвенно-бледным, затухало в опечаленном очаге» («Саламандра» — 68).

Общность эмоциональной атмосферы, лидирующей тональности циклов стихотворений в прозе двух авторов во многом объясняется тем, что оба создавали свои творения в последние годы жизни, рассматривая их как итоговые, подводящие черту земному и творческому пути. Л. Пич вспоминал, что, когда Тургеневым все сильнее овладевала старческая тоска, «он написал много поэтических видений, воспоминаний и аллегорий глубоко пессимистического содержания, замечательных то грандиозной смелостью, то увлекательной грацией рисунка. Он назвал эти произведения "Senilia"» (10, 458).

Бертран, имевший, по словам современника, «чело серьезного и задумчивого старца», так же, как и Тургенев, мог бы сообщить своей книге подзаголовок «Senilia» («Старческое»). Во внешнем и внутреннем облике поэта парадоксально соединялись юность, даже детскость, и умудренность с приметами старения и дряхлости. Психологический портрет Бертрана, нарисованный его другом и единомышленником Теофилом Готье в повести «Онупфрий, или Фантастические невзгоды некоего поклонника Гофмана» (1833), передает самую суть характера молодого романтика, рано надломленного столкновением с жизнью, нуждой, болезнями, предчувствием преждевременной смерти: «всматриваясь в черты его бледного и усталого лица, вы начинали замечать, что в них сквозит нечто неопределенное, нечто детское, какое-то неуловимое сочетание ребячества и дряхлости» (313). Бертран писал: «Еще одна весна — еще луч майского солнца на челе юного поэта среди людской сутолоки, на челе старого дуба в лесной чаще!» («Еще одна весна» — 101).

Русского и французского авторов объединяют тоска по утраченной молодости, увядаемое жизнелюбие и элегические раздумья в преддверии близкой кончины. Показательны в этом смысле тургеневские шедевры «Посещение», «Чья вина?», «О моя молодость! О моя свежесть!» и «Еще одна весна», «Ангел и фея» Бертрана. Безнадежный характер носят лирические миниатюры Тургенева «Старуха», «Череп», «Встреча» и другие. Полны ужаса и мучений такие бертрановские «фантазии», как «Сон», «Ночь после сражения», «Виселица».

Один из характерных тургеневских образов, символизирующих трагизм человеческой жизни, — «на смерть раненная птица» (10, 167) («Без гнезда», «Куропатки», «Что я буду думать?»). Не тождественен, но близок этому символу образ «недоношенного орленка», с которым Бертран сравнивает самого себя. В кругу той же образности — метафора жизненного пути поэта-романтика: «яйцо судеб моих, не согретое в гнезде теплыми крыльями благоденствия, осталось таким же пустым, таким же убогим» («Господину Давиду Д'Анже, скульптору» — 122).

В миниатюре «Шевремерт» мотив вселенского одиночества человека приобретает новое семантическое наполнение, усиливающее чувства трепета и отчаяния перед неведомым и неизбежным. Метафора судьбы-пустыни трансформируется в образ души-пустыни, «где уже не слышится голос Иоанна Крестителя!» (100): «Так и душа моя — пустыня, и я, стоя на краю бездны, воздев одну руку к жизни, другую протянув к смерти, безутешно рыдаю» (100). Подобно тургеневскому, мироощущение лирического героя Бертрана столь же трагично: «Скажи мне, друг, если знаешь, — обращался поэт к Давиду Д'Анже, — не представляет ли собой человек, хрупкая игрушка, подвешенная за ниточку страстей, не представляет ли он собою всего лишь паяца, которого подтачивает жизнь и разбивает смерть?» (122).

Иногда поразительно родственными выступают проявления духовно-душевной жизни лирического героя стихотворного цикла Тургенева и «фантазий» Бертрана. Так, в миниатюре «Мне жаль...» Тургенев пишет: «Мне жаль самого себя, других, всех людей, зверей, птиц... всего живущего» (10, 174). Подобное острое переживание всеобъемлющей любви-жалости, сострадания ко всему живому, но с элементами мифологического, сказочного восприятия мира испытывают маленькие герои Бертрана в стихотворении в прозе «Дождик»:

«Им жалко лань-беглянку <...>, и забившуюся в расщелину дуба белочку <...>. Им жалко птичек — трясогузку, которая только собственным крылышком может накрыть свой выводок, и соловья, потому что с розы, его возлюбленной, ветер срывает лепесток за лепестком. Им жалко даже светлячка, которого капля дождика низвергает в пучины густого мха. Им жалко запоздавшего путника <...>. Но особенно жалко им ребятишек, которые, сбившись с пути, могут прельститься тропой, протоптанной шайкой грабителей, или направиться на огонек, зажженный людоедкой» (109–110).

Обоих художников роднит также стремление постичь загадки бытия, метафизические глубины вселенской жизни, проникнуть в сокровенную сущность природы с ее поэзией и тайной. В Тургеневе, по словам Тютчева, поражает «сочетание реальности в изображении человеческой жизни со всем, что в ней есть сокровенного»⁸. Яркие примеры — в «стихотворениях в прозе» «Разговор», «Нимфы», «Природа», «Дрозд (I)» и других.

Бертран же, в отличие от Тургенева, — романтик до мозга костей — полностью погружался в свой ирреальный мир («Хоровод под колоколом», «Ундина», «Водяной», «Два ангела» и другие). По отзыву Т. Готье, «находясь в самой гуще реальной и кипучей действительности», поэт «умудрялся <...> создавать свой собственный мир, полный экстатических видений, куда нелегко было проникнуть непосвященному. В самых обычных вещах он привык искать их сверхъестественную сущность, и нередко какая-нибудь банальная и незначительная деталь обретала под его пером фантастический смысл» (313–314).

«Фантазии» Бертрана нередко носят характер колдовского наваждения, так что читатель вовлекается в чародейную атмосферу загадочного «Гаспара из тьмы». Поэт гипнотически завораживает картинными образами, подыскивая для их создания исключительно редкостное слово, обретающее душу и плоть.

Тщательная словесно-художественная отделка творений Бертрана, беззаветно служившего культу искусства, сродни священнодействию. Французские поэты XIX века, отмечает современный исследователь, «лелеяли "религию" своего труда как душеспасения и вместе с тем спасения рода людского через Красоту (она же Истина, и непременно с большой буквы), взращивали в себе и насаждали в своих кружках самосознание такого священничества от культуры»⁹.

Эстетизм как принципиальная поэтическая установка просвечивает буквально в каждой строке Бертрана: «Луна расчесывала свои кудри гребешком из черного дерева, осыпая холмы, долины и леса целым дождем светлячков» (59); «земля — благоухающий цветок, пестиком и тычинками коему служат луна и звезды!» (57); «ветерок, распахнув неплотно затворенное окно, бросил мне на подушку сорванные грозой лепестки жасмина» (63). Выразительно-изобразительные примеры такого рода, из которых видно, как художник шлифовал текст, взвешивая каждое слово, можно продолжать и множить.

Молитвенное преклонение перед божеством Красоты сочеталось с острым видением безобразных сторон жизни. Воображением поэта был создан жуткий и отвратительный персонаж — гном Скарбо, напоминающий то ли паука, то ли жука-скарабея с человеческой головой («Готическая комната», «Скарбо», «Карлик», «Дурачок»). «Отвращение, страх, даже ужас» (10, 151) возбуждает злоеущий символ смерти — насекомое, описанное в тургеневской миниатюре («Насекомое»).

Обоим авторам также присуще предчувствие вселенской катастрофичности («Конец света» в цикле Тургенева, «Второй человек» у Бертрана). «Труба Архангела прогремела из бездны в бездну, в то время как все с грохотом рушилось: и небосвод, и земля, и солнце, ибо не стало человека — краеугольного камня мироздания» (103–104), — писал французский романтик.

В отличие от него Тургенев постепенно идет к преодолению ужаса вселенской катастрофы и метафизического одиночества («Собака», «Нищий», «Воробей», «Милостыня», «Голуби», «Морское плавание», «Ты заплакал», «У — а... У — а!»). Идея о вселенской гармонии как законе бытия — в центре раздумий автора «Стихотворений в прозе». Из множества разрозненных индивидуальностей, единичных «конечных» существований складывается в итоге бесконечность всеобщей жизни: «нужно, чтобы жизнь не прекращалась, собственная и чужая — все та же всеобщая жизнь» («Два брата» — 10, 156).

Из беспросветных трагических размышлений о хрупкости и мимолетности земного существования лирический герой Тургенева обретает выход к свету, в «неувядаемый рай» — «царство лазури, света, молодости и счастья» («Лазурное царство» — 10, 152), тогда как Гаспар Бертрана в финале его книги окончательно погружается во тьму мрака и отчаяния: «Я тоже отметил свою фишку в житейской игре, где мы беспрестанно проигрываем» («Господину Сент-Бёву» — 194). Единственной наградой и утешением поэту становятся открытые им «новые основы гармонии и красок» (23–24).

Новаторская жанрово-эстетическая структура, изобретенная Бертраном для решения сравнительно узких романтических художественных задач, в творчестве Тургенева получила мощный импульс к дальнейшему развитию. Автору «Стихотворений в прозе» тоже свойственно романтическое переживание мира, но при этом тургеневский цикл охватывает самый широкий круг тем, проблем, настроений. На это разнообразие обратили внимание уже современники писателя: «здесь и <...> мечты, и надежды, и любовь к родине, и сомнения в русском обществе, и мысли о себе самом и своей судьбе» (10, 463), — отмечал А. Незеленов в работе «Тургенев в его произведениях» (СПб., 1885).

Так, в стихотворении в прозе «Деревня» реалистически точно рисуются среднерусский пейзаж и деревенский быт в узнаваемых деталях и приметах. В то же время этнографически тщательные описания представлены столь прочувствованно и глубоко лирично, что из каждой любовно выписанной детали простонародной жизни вырастает обобщенный образ родины, России: «Безветрие, теплынь... воздух — молоко парное!» (10, 125); «Над каждой крышей высокий шест скворечницы; над каждым крылечком вырезной железный, круто-гивый конек»; «целые вороха только что скошенного, до истомы душистого сена. <...> То-то будет спать на нем славно!» (10, 125).

Особым национально-патриотическим настроением проникнуто знаменитое стихотворение в прозе «Русский язык» (1882), которое со временем не покрылось ни пылью забвения, ни коркой хрестоматийного глянца, но и сегодня звучит столь же актуально, как и за все более чем 130 лет, прошедшие с момента его создания.

Свое достойное выражение, свои отзвуки нашли в тургеневском цикле христианские упования («Христос», «Молитва»); мысли и чувства человека из народа («Нищий», «Маша», «Ши», «Два богача»); жертвенный героизм («Порог», «Дрозд (II)», «Памяти Ю. П. Вревской»); извечное человеческое желание «остановить прекрасное мгновенье» («Стоять!», «Когда меня не будет...»); многие другие темы, мотивы и образы.

Тургенев, новаторски разрабатывая жанр стихотворения в прозе, представил его в многообразных разновидностях. Это зарисовки, мини-рассказы, философские размышления, развернутые аллегории, «то элегии, то басни, то эпиграммы» (10, 462), — замечал современник Тургенева, — то «возвышенные мечты и сказки маститого беллетриста» (10, 463). Таким способом писатель открывал самые широкие возможности в развитии плодотворной и емкой художественной структуры, переплавляющей поэзию и прозу в новое эстетическое единство.

Тургеневу принадлежат открытия не только стиховедческие, но и психологические, человековедческие. О глубоком облагораживающем, нравственно возвышающем воздействии тургеневского цикла говорил современник писателя Арс. Введенский: «"Стихотворения" И. С. Тургенева — действительно стихотворения, проникнутые гуманной мыслью, которая постоянно и неумолчно звучит в каждом отрывке. <...> Но и короткие отзвуки душевной жизни поэта, выражающиеся в чрезвычайно поэтических, целостных, западающих в душу образах, не пройдут бесследно в душе читателя и вызовут чувства, не совсем обычные в наше беспощадное время» (10, 461).

При всем разнообразии тематики тургеневского цикла он воспринимается как единое художественное целое. Цельности восприятия способствуют ритмико-стилистическая организация текста, некоторые повторяющиеся композиционные приемы. Так, например, обращают на себя внимание финалы стихотворений в прозе — итоги раздумий умудренного жизнью автора. Зачастую они сформулированы как емкие, врезающиеся в память афоризмы: «Житье дуракам между трусами» («Дурак» — 10, 138); «только любовью держится и движется жизнь» («Воробей» — 10, 142); «Далеко Ротшильду до этого мужика!» («Два богача» — 10, 153); «Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать» («Житейское правило» — 10, 179); «Благодарность — долг; всякий честный человек платит свои долги... но любовь — не деньги» («Путь к любви» — 10, 185).

Концовки «фантазий» Бертрана по большей части непредсказуемы. Например, в миниатюре «Каменщик» герой весь свой день посвящает самому мирному, созидательному труду — высоко на воздушных строительных лесах возводит сооружение, с любовью обозревая сверху архитектурные постройки города «с его тридцатью церквями», «бездну галерей, башенок, окон, парусов, колоколенок, крыш и балок» (32), «крепостные сооружения звездоподобных очертаний» (33). Но финал звучит резким диссонансом: неожиданно возникает картина пожарища, войны и разрушений: «Вечером же, когда прекрасный неф храма уснул, сложив руки крестом, он <каменщик. — А. Н. - С.> со своей лесенки увидел на горизонте деревню, подожженную солдатней» (33). Так трагически переплетаются небо и земля, прекрасное и ужасное, созидание и разрушение, мир и война.

Герой бертрановского стихотворения «Щеголь» с его нарядной внешностью, франтовато закрученными усами, на первый взгляд, ведет себя хвастливо и вызывающе: «разгуливал, лихо подбоченясь, расталкивал мужчин и улыбался дамам» (49). Но финал показывает, что это лишь бравада обедневшего человека, который и в безобразии нищеты силится остаться эстетом: «На обед денег у него не хватало, поэтому он купил себе букетик фиалок» (49).

Известно, как тщательно работали русский и французский художники слова над тем, чтобы придать своим творениям совершенную, изысканную форму. Бертран в своей книге признавался: «Эта рукопись поведает вам <...>, сколько инструментов испробовал я, прежде чем нашел тот, что издает чистый и выразительный звук, сколько кистей я извел, прежде чем заметил на полотне слабые признаки светотени» (23).

Оттачивая выразительные возможности слова, Тургенев провел огромную ритмико-стилистическую правку текстов стихотворений в прозе и дал читателям «понимание красоты языка, красоты фразы, любовь к этой красоте, к музыке речи»¹⁰. «Сам язык, известный, гармонический, образный тургеневский язык — производит впечатление скорее стихов, чем прозы» (10, 461), — отмечали современники писателя.

В рукописях Тургенев дал следующее жанровое обозначение цикла: «Стихотворения без ритма и размера» (10, 445). «Синтез поэзии и прозы» у писателя «имеет осознанный характер, акцентностиховую ритмическую основу с противостоящим стиху гашением ритмической инерции»¹¹. Работая над стилем, Тургенев сознательно убирал в тексте рифмы и стихотворные

ритмы. В то же время его произведения — настоящая поэзия даже в прозе. Многие строки сохраняют стихотворную ритмическую организацию. Так, например, миниатюру «Нимфы» венчает поэтическая строка: «Но как мне было жаль исчезнувших богинь!» (10, 159).

Тургеневская художественная практика шла в направлении от живописности к углублению психологизма, лирического самоанализа в форме внутреннего авторского монолога. Личностное, лирико-эпическое начало сформировало «удивительно симпатичный образ автора» — композиционный центр «Стихотворений в прозе». По отзыву Анненкова, «личное-то в них и играет первую и самую блестящую роль; личное-то и составляет их parfum <аромат> и прелесть» (10, 455). В целом цикл стихотворений в прозе Тургенева приобрел качества своеобразного лирического дневника, осердеченного искренним чувством и проникнутого глубокой мыслью умудренного жизненным опытом писателя. Бертран же всецело растворился в своих романтических грезах, ирреальных фантазиях и причудах.

«Кто из нас ни мечтал в часы душевного подъема создать чудо поэтической прозы, музыкальной без ритма и без рифмы, настолько гибкой и упругой, чтобы передать лирические движения души, неуловимые переливы мечты, содроганья совести?» (10, 474) — риторически вопрошал Шарль Бодлер. Такое «чудо поэтической прозы» создал в русской словесности Иван Сергеевич Тургенев. У истока этих художественных свершений в литературе французской стоял Алоизиус Бертран.

Примечания:

1. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1978–1982. — Сочинения: В 12 т. — Т. 10. — С. 456. Далее сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.
2. См.: Чистова И. С. Тургенев и Леопарди (к вопросу о литературных источниках «Стихотворений в прозе») // Тургенев и его современники. — Л.: Наука, 1977. — С. 142–152.
3. Lo Gatto Maver Anna. Quelques hypotheses sur les modèlesfrançais des “Poèmesen prose” de Tourguèniev // Tourguènievet l’Europe. Actes du Congrès du Centenaire 1883–1983. Association des d’ Tourguèniev, Pauline Viardot et Maria Malibran. — 1983. — № 7. — Р. 55.
4. Цит. по: Балашов Н. И. Алоизиус Бертран и рождение стихотворения в прозе // Бертран Алоизиус. Гаспар из тьмы. Фантазии в манере Рембрандта и Калло. — Серия: Литературные памятники. — М.: Наука, 1981. — С. 263.
5. Там же. — С. 266.
6. Бертран Алоизиус. Гаспар из тьмы. Фантазии в манере Рембрандта и Калло. — Серия: Литературные памятники. — М.: Наука, 1981. — С. 27. Далее произведения А. Бертрана цитируются по этому изданию с указанием страниц.
7. Baudelaire. Euvres complètes, Prèface, presentation et notes de Marcel A. Ruff. — Paris. Ed. du Seuil, 1968. — Р. 146.
8. Цит. по: Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. — М.: АН СССР, 1962. — С. 186.
9. Великовский С. Вехи и мастера французской поэзии XIX века // Поэзия Франции. Век XIX. — М.: Худож. лит., 1985. — С. 17.
10. Нелидова Л. Ф. Памяти И. С. Тургенева // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1969. — Т. 2. — С. 236.
11. См.: Балашов Н. И. Ритмический принцип «Стихотворений в прозе» Тургенева и творческая индивидуальность писателя // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1979. — № 6.

Прозаик, поэт. Родился в 1976 году в Москве. Окончил Государственный университет управления (1998) и Высшую школу Европейских культур (2002). С 2004 по 2018 год жил и работал в городе Регенсбург в Германии. С 2019 года проживает в Москве. Пишет в жанре «миниатюра, афористика». Член Московского союза литераторов и Московского клуба афористики. Автор трех книг афоризмов. Лауреат многих литературных конкурсов.

ТАЙНЫ ЧЕРНОГО КВАДРАТА

* * *

Он любовался женщинами и черным квадратом.

* * *

Черный квадрат был нарисован белыми красками. Но это тайна.

* * *

Малевич никогда не пользовался черной краской. Черный квадрат нарисовал себя сам.

* * *

Черный квадрат — это инструкция, как правильно жить в нашем мире.

* * *

Черный квадрат долго спорил с Малевичем, уговаривая его добавить другие краски, но Малевич был беспощаден.

* * *

Черный квадрат — это клише, которое невозможно перевернуть.

* * *

Черный квадрат не знал, что он черный, а когда узнал — не поверил.

* * *

Малевич случайно испортил холст черной краской, но тут же нашелся и нарисовал черный квадрат.

* * *

Черный квадрат — это игра на ожиданиях извращенцев.

* * *

Малевич нарисовал черный квадрат после неудачного свидания. Так он увидел свою девушку.

* * *

Черный квадрат — это компромисс в конфликте между добром и злом.

* * *

Черный квадрат — это инопланетяне, попавшие на земле в неловкую ситуацию из-за абсурдности нашего мира.

* * *

Черный квадрат — это черный юмор в виде рисунка нашего бытия.

* * *

Черный квадрат — это самый красивый на свете цветок, который замаскировался и шифруется.

* * *

Черный квадрат — это чрезмерное драматизирование победы зла над добром.

* * *

Черный квадрат — это клякса, которая достигла идеала.

* * *

Черный квадрат — это букет человеческих слабостей, которые Всевышний подарил Адаму.

* * *

Черный квадрат — это вся черная правда и вся черная брехня нашего мира.

* * *

Черный квадрат — это окно удивлений.

* * *

Черный квадрат — это нереально реальная нереальность.

Поэт, пародист, издатель. Ответственный секретарь «Иерусалимского журнала». Родился в 1949 году в г. Невель Псковской области. Окончил Витебский станкоинструментальный техникум. Служил в войсках ПВО (1968–1970). После службы в армии окончил Ленинградский политехнический институт (1976) и работал мастером, начальником цеха на Витебском заводе часовых деталей, преподавателем в средней школе. Живет в Иерусалиме с 1990 года. Стихи, пародии и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах.

ПАРОДИИ НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ И ДР. ПОЭТОВ

ПЯТЬ ПАРОДИЙ

ПАРНОСТИШНОЕ

*А Рихмана убила молния,
но жив остался Ломоносов.*

Владимир Рецепт

В природе явный признак парности,
Явления нету простодушней;
Вот Пушкин сгинул от бездарности,
Но жив и радуется нас Кушнер.
Живем в угаре никотиновом,
Да что нам холода и стужа.
Вот Лермонтов убит Мартыновым,
Но я-то жив! И чем я хуже!

ВОЗРАСТНОЕ

*В этом возрасте хочется черт-те чего:
Волосы выкрасить в синий цвет.*

Алексей Машевский

На седьмом десятке любой поэт
Хочет сделать черт-те чего с собой:
Выкрасить волосы в синий цвет,
Но, естественно, — не в голубой.
Натянуть зеленые брюки клеш,
Хокку писать, как японца Басё.
А чего с пожилого поэта возьмешь?
В этом возрасте можно все.

МОИСЕЯННОЕ

*Гуляю по земле, смотрю на птиц полет,
как облако плывет в небесной сини.
Я в этом сентябре случайный пешеход,
плутающий, как Моисей в пустыне.*

Андрей Ивонин

Гуляю по Москве, практически по всей,
гляжу на небеса, что с дымкою голубою,
шагаю наобум, точь-в-точь как Моисей,
читателей толпы не вижу за собою.
Сентябрь, прошу, дружок, меня не донимай,
хандра поэту — это не игрушки.
Но подождите — вот нагрянет месяц май,
и я начну писать практически, как Пушкин!

ПОЭТИЧЕСКИЙ НАКАЗ

*Творчество должно на первом месте
Для поэта быть, не на втором.*

Нина Краснова

Жить должны поэты, как аскеты.
В их конюшне должен быть Пегас.
Сочинять прекрасные сонеты,
Чтоб огонь поэзии не гас!
И пока сердечко ямбом бьется,
Издавать всегда за томом том.
Первым делом,
первым делом — рифмоплетство,
Ну а девушки и выпивка потом.

ПРО ПАЛЬТО

*Я вообще тебе никто,
имя мое никак.*

*Я пустое пальто,
плывущее через мрак.*

Дмитрий Воденников

Есть у меня большой секрет,
что не знает никто:
не в пиджак и жилет
я превращаюсь — в пальто.
Если между шикарных авто
среди белого дня
бегает конь в пальто —
значит, одет он в меня.

**«Поэт не может умереть...»
Книга воспоминаний о Тамаре Жирмунской
М.: «Вест-Консалтинг», 2024**

В издательстве «Вест-Консалтинг» вышла книга воспоминаний о поэте-шестидесятнике Тамаре Жирмунской «Поэт не может умереть...». В первом разделе книги представлены теплые воспоминания и стихотворные посвящения от близких друзей и родственников поэта. С особой нежностью и с горячей любовью написано воспоминание-обращение Сандры Павловны Мясниковой, дочери Тамары Жирмунской:

«Надо признаться, что мы с мамой практически всегда понимали друг друга с полуслова. И ни одной ссоры за долгую жизнь у нас не было. "Ты — моя часть, — иногда говорила мама, — какие между нами могут быть недопонимания?"»

Светлана Астрикова (Макаренко) пишет:

«Тамара Александровна Жирмунская вошла в мою жизнь внезапно. Взволновала и окрылила стихами, изумила отточенностью стиля, ритмом строфы, всей скрытой, артистической сутью своего Дара, высокого и простого во своей человечности и теплоте, полноте и щедрости...»

Некоторые воспоминания о Тамаре Жирмунской связаны с местом ее учебы — Литературным институтом имени А.М. Горького. Читая ряд подобных мемуаров, мы погружаемся в исторический контекст той эпохи, эпохи 50-х, под несколько новым углом смотрим, как на сам институт того времени, так и на авторов, что в дальнейшем стали классиками советской литературы, одним из таких классиков является Юрий Павлович Казаков.

Весьма любопытны не только биографические сведения о Тамаре Жирмунской, но и тонкости ее литературного вкуса, ее работы в качестве редактора поэтического текста.

Вот что об этом пишет Алла Петровна Дронова:

«Я собрала свои напечатанные на машинке стихи в книжицу и показала их Тамаре Александровне, она взяла стихи с собой, дома прочитала, сделав на полях заметки карандашом. В качестве примера приведу стихотворение "Знакомство":

Его слова. Ее слова.
Без них нельзя, наверное.
Пока не кружит голова —
Знакомство. Встреча первая.
Он и она. Сугроб. Лыжня.
Поляна индевелая...

Тамара Александровна предложила поправить третью строку так: "И закружилась голова". А шестую отредактировала: "Леса заиндевелые...". При этом она одобрила стихотворение в целом: "В этих стихах хороша интонация, оригинален ритмический рисунок. Но в конце хочется не повтора, а нового качества"».

Показались очень важными слова Игоря Волгина о запоминаемости поэтического образа в стихотворении Тамары Жирмунской:

*«За озеро два солнца катятся,
И над закатною водой
Проходит академик Капица,
по силуэту молодой.*

Здесь выразительна не только типично шестидесятническая (условно говоря, евтушенковская) рифма: "катятся — Капица". Здесь возникает совершенно замечательный образ: "по силуэту молодой". Эти строки запоминаются сходу — я нередко привожу их в пример начинающим авторам».

В разделе «Эссе и интервью», помимо, собственно, самих эссе и интервью, представлены письма и телеграммы Юрия Казакова, переписка Тамары Жирмунской с поэтом Татьяной Бек, мемуары Евгения Степанова.

Много внимания в книге уделено священнику о. Александру Меню. Он был духовным отцом Тамары Жирмунской, оказал огромное влияние на ее жизнь. В третьем разделе книги «Три встречи» ему посвящен целый стихотворный цикл — «Стихи об отце Александре Мене».

Одно из стихотворений цикла:

А. В. Меню

Боясь себя,
я приоткрыла дверь.
За нею оказалась анфилада
террас? Сквозных пространств?
Поди, проверь.
Быть может, смертным
имя знать не надо.
Встречавший
Торопить меня не стал,
он впереди пошел
и страх мой — убыл.
И надо всем божественно сиял
Вселенской церкви
необъятный купол.

Данная книга очень насыщена, она может быть интересна не только почитателям таланта Тамары Жирмунской, но и всем, кто интересуется историей литературного процесса, кому небезразличны судьбы таких значимых авторов и духовных деятелей, как Юрий Казаков, священник о. Александр Мень, Татьяна Бек и др.

Павел ЩЕРБАКОВ

**Сергей Каратов, «Лирический орнамент»
М.: «Вест-Консалтинг», 2024**

«Лирический орнамент» — книга Сергея Каратова, название которой говорит нам о том, что речь в ней пойдет о вещах серьезных. В древности орнаменты играли магическую роль оберегов, отпугивавших злые силы и привлекавших изобилие. И коль прозвучало в названии книги слово, обозначающее ритмический узор, будет правильным сообщить читателю, что и стихотворения построены по принципу чередования тематик, при этом сохраняют общую направленность: о жизни и любви.

Рассуждения автора подчас носят философский характер, однако по форме они просты, что позволяет читателю напрямую соприкоснуться со смыслом текста, не отвлекаясь на поиск философских терминов в специализированном словаре. А выводы автор делает в рамках христианской этики. Например, таково его высказывание о смысле поэзии:

Но одно понимаю, что надо
Вычеканивать тонкость пера.
Дар небесный отнюдь не награда,
А служенье во имя добра.

Уж сколько лет не утихают споры на тему: «Должна ли поэзия служить высоким идеалам?». Одно понятно: лучше служить самой поэзии, тогда она одухотворит любую тему — от злободневной до вечной, близкой каждому. Скажем, близка поэту тема детства. У каждого из нас эта тема отзывается по-разному. Тем не менее, пасторальная картина детства, которую разворачивает перед нами Сергей Каратов, заставляет и нас вспомнить то светлое время, «когда деревья были большими»:

Вижу маму с конем под уздцы
И телегу с рудой златоносной,
И куда-то бегут сорванцы
За пылящей машиной трехосной.

В создании художественного произведения потенциал памяти неисчерпаем. Память ложится в основу лирики, ибо прошлое определяет лирического героя стихотворения наряду с прошлым и будущим, дает ответы на вопросы: кто я такой? Что успел повидать, пережить, почувствовать, осмыслить? Где та исходная точка, от которой строится человеческая жизнь в целом и моя — в частности? Сергей Каратов в своем стихотворении отвечает на этот вопрос прямо:

Где б ни ездил, ни жил, раздвоясь...
Буду помнить и ночью, и днём:
Обрывается всякая связь,
Только с детством она неизменна.

И тут встает вопрос: как и зачем люди вспоминают события своей жизни? Какую функцию выполняют воспоминания, размышления, передача другим своего уникального жизненного опыта? Способность использовать память дается для представления и планирования будущих событий. Опираясь на прошлое, жить настоящим, смотреть в будущее —

вроде бы логично, что человек должен жить именно так. Однако линейное мышление не способно вместить в себя все нюансы человеческого поведения. Память о ребенке, которым был каждый из нас, никуда не исчезла. Она сидит в нашей душе. Как в матрешке, в самой маленькой, которую уже нельзя открыть. Эта часть нашего «Я» и гонит человека на поиски счастья, которое кажется таким далеким. Идешь к нему отнюдь не по прямой, а только ориентируясь на «внутренний компас»:

И вновь ушел.
Сбивался и плутал,
Но в ожиданье сердце билось чаще.
Сдвигалась ночь.
Луна катилась в чащу.
И долго вслед мне
филин хохотал.

Обращаясь к автобиографическим воспоминаниям, человек опирается на них, черпает силы для новых свершений. Даже плутая по жизни, имея твердые ориентиры, намного легче «вырулить» в нужную точку. Главное — не потерять энергию, падать и вставать, мобилизуя свой внутренний ресурс: достаточно вспомнить, что «а я ведь и это смог, и то преодолел», — глядишь, и ночь не так темна, и рассвет не за горами. Прошлое может разрастись в памяти и в отдельных случаях вытеснять будущее, однако с лирическим героем Сергея Каратова этого не случается. В то же время, автор задается вопросом не только личным, но и «общелитературным». Его волнует тема предназначения поэта. Обрушивая на читателя весьма непростой вопрос, Сергей Каратов рассуждает о будущем, но в том-то и парадокс, что будущее «пощупать» нельзя:

Поэт вопросом задается,
Гуляя в тютчевском плаще:
— Как слово наше отзовется?
И отзовется ль вообще?..

Будем надеяться на лучшее, иначе неинтересно жить. Переживание времени обуславливает его дальнейшее преобразование, причем не только прошлого. Опираясь на впечатления мгновенной памяти, фантазия формирует представление будущего в динамике. Мы же можем сделать все от нас зависящее, чтобы желаемое сбылось — и «отпустить ситуацию».

Книга Сергея Каратова посвящена разным временным отрезкам, и каждый из них имеет для человека свою ценность. Что же касается основного вопроса — сбудутся ли наши чаяния? — нет смысла заранее предугадывать результат. Время покажет.

Вера КИУЛИНА

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 17.09.2024
Подписано в печать 27.09.2024